Литературные известия

№ 7 (135)
Июль 2016

Газета Союза писателей XXI века, Союза литераторов России, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и Литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

Сегодня в номере:

*

Новости литературной жизни

*

Творчество Союза писателей XXI века

*

Страница Союза литераторов России

*

Новинки издательства «Вест-Консалтинг»

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АРТ-ФЕСТИВАЛЬ «ПРОВИНЦИЯ У МОРЯ» ПРОШЕЛ В ШЕСТОЙ РАЗ

25 августа-4 сентября в Одессе и Черноморске в 6 раз прошел международный Арт-фестиваль «Провинция у моря». Программа была максимально насыщенной – приехали гости из разных держав мира, прежде всего, из Украины, России и других стран постсоветского пространства. Звучали стихи, музыка, состоялись масштабные презентации книг и литературных журналов (издания холдинга «Вест-Консалтинг» и Союза писателей XXI века «Дети Ра», «Футурум АРТ», «Зинзивер», «Зарубежные записки», «Поэтоград», «Литературные известия» представляли Евгений Степанов и Александр Карпенко), прошли выставки картин и т. п.

Фестиваль был организован на самом высоком уровне Южнорусским Союзом писателей (руководитель – поэт и культуртрегер Сергей Главацкий).

Значительную поддержку фестивалю оказало Россотрудничество РФ.

«Провинция у моря» еще раз показала, что братским народам необходимо жить в мире и любви, что нужно активнее налаживать культурные коммуникации. И тогда будет взаимопонимание и на более широком уровне.

Сергей КИУЛИН, фото автора

ГОНЧАРНЫЙ КРУГ КАК СИМВОЛ МИРА

Это чудо и счастье – сотворить собственными руками плошку или мисо, квасник или кувшин, тарелку или чайник.

Инженер по образованию и поэт в душе, житель подмосковного поселка Ильинский (Раменский район, 20 км. от Москвы) Илья Калашников это умеет делать в полной мере. Вот уже три года он занимается высоким гончарным искусством. Творит сам и подвижнически учит других.

– Главное, когда занимаешься гончарным делом, – рассказывает Илья, – это пальцы, освобожденное сознание. Глина сама все понимает и чувствует.

Глину мастер закупает в Гжели, гончарный круг купил в Люберцах, печку для обжига ему сделали друзья-умельцы. Вот, собственно, и все, что нужно для того, чтобы делать гончарные изделия. Ну и, конечно, желание, способности, стремление творить, развивая в себе, говоря языком Велимира Хлебникова, гены творянина.

Я люблю приходить в гости к Илье Калашникову, благо живу на соседней улице, послушать его интересные рассказы о гончарном ремесле, полюбоваться искусством мастера, посмотреть на его прекрасные работы, попробовать самому что-то сделать, «поколдовав» за крутящимся кругом. Это, в самом деле, огромное счастье!

Евгений СТЕПАНОВ, фото автора

ЧТО КУПИТЬ

БЕСТСЕЛЛЕРЫ МАГАЗИНА «МОСКВА»

Сразу четыре книги издательства «Вест-Консалтинг» стали летом 2016 года бестселлерами магазина «Москва»:

Анна Гальберштадт, «Transit». Стихотворения;

Марианна Рейбо, «Письмо с этого света»;

Лариса Николаевна Федотова, «Связи с общественностью: теория и практика». Учебник;

Людмила Ивановна Колодяжная, «Цитата. Из стихотворений 1999-2015 с эпиграфами-цитатами из строк поэтов Серебряного века».

Поздравляем наших знаменитых авторов и желаем им новых творческих успехов!

Пресс-служба издательства «Вест-Консалтинг»

ПРОЗА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

Александр ФАЙН

КРОВНИКИ

Рассказ

Александр Файн — *прозаик, драматург. Окончил машиностроительный факультет Московского института химического машиностроения. Литературную деятельность начал в семидесятилетнем возрасте. Член МСПС. Автор публикаций в журналах «Слово», «Дети Ра», «Зарубежные записки», «День и Ночь» и других русскоязычных изданиях, выходящих в России и за рубежом, нескольких книг прозы. Лауреат Премии имени А. П. Чехова за 2009 год. Сборник рассказов и повестей «Среди людей» стал номинантом самой престижной российской литературной премии «Большая книга» за 2012 год. Лауреат премии «Писатель XXI века» за 2014 год.*

Председатель экспертного совета, доктор технических наук, лауреат Ленинской премии, профессор Сергей Андреевич Хохлов по пятницам возвращался с работы на два часа раньше. Жена, принарядившаяся по традиции к пятничной семейной вечерней трапезе, открыла дверь и, увидев отрешенное лицо супруга, спросила:

— Случилось что?

— Сегодня мы с тобой, Людмила Исааковна, могли богатыми стать... Мне взятку два миллиона долларов за подпись предлагали... Потом три... А потом угрожать стали.

— Прямо так? — Людмила с испугом прикрыла ладонью рот.

— Намекнули, конечно... Дураку понятно!

— Каждый день по ящику такое показывают... Кровь прямо с экрана стекает! Страшно-то как!

— Ребята выросли. У них своя жизнь. Мир другой — надо ориентироваться! А мне уже поздно бояться! — усмехнулся Хохлов.

— А я? — Людмила чмокнула мужа в щеку и помогла снять пиджак.

— Ты баба завидная. Претенденты в шеренгу выстроятся... Я к Первому, а он, мол, разобраться надо. В чем? Что не подписал, или что отказался?.. Точно, на пенсион пора, — Хохлов поцеловал жену.

— С такими деньжищами хоть на пенсии, хоть без пенсии... Я форшмак твой любимый сделала и салат сельдереевый, очень полезный для взрослых мужчин.

— Ты считаешь, мне уже помощь нужна?..

— Нет, конечно! Ты еще ого-го, молодежи фору дашь. Мне бы за тобой поспеть. Это для профилактики простаты.

— Ну тогда накрывай! А то я заволновался... Только не лафитники, а рюмки с золотыми ободками, которые нам твоя мама подарила, доставай... Может, зря отказался! — Хохлов усмехнулся, — открыли бы кафе домашней еврейской кухни: ангемахт, форшмак, цимес... Я бы продукты привозил, а ты шеф-повар. На жизнь честным трудом заработаем... Солидные люди вечером заглянут — кто по рюмке, кто в шахматы... Музыка достойная, без буги-вуги... тихий блюз...

— Людям нужен реальный интерес! Хоть с буги-вуги, хоть с блюзом...

— Хорошо, тогда организуем по вечерам сеансы одновременной игры на десяти досках со мной в шахматы. Я, когда закончил школу Ботвинника[1], мог с закрытыми глазами по памяти сразу на трех досках играть... И не проигрывал! С каждого претендента по сто баксов. Кто выиграет — месяц у нас столуется.

— А вдруг придет еще один ученик великого чемпиона и будет у нас на халяву обедать и ужинать. Москва не Мухосранск, еще шахматные умельцы найдутся. А, может, и из Мухосранска на столичные харчи приедут... В пролете будем! — деловито объяснила Людмила.

— Ну хорошо! Лауреату Ленинской премии, одна подпись которого три миллиона зеленых стоит, неужели не заплатят пару тысяч за цыганочку с выходом. Ты мне красную рубаху с черными пуговицами купишь, сапоги с бахромой и металлическими набойками. На бис могу и чечетку бить!

— Сейчас скорее за брэгданс заплатят... Тебе тренироваться долго придется.

Людмила поставила на стол запотевший хрустальный графин с «Посольской».

— Пожалуй, форшмачка с салатом будет маловато! Хорошо бы сальца с черным хлебом и чесночком по случаю нашей честной бедности, — потирая руки, сказал Хохлов.

— Не такие уж мы и бедные... Два сына, два внука, три внучки. Когда я тебя на смотрины к родителям привела, мама форшмак в блюде поставила на стол и объявила: «еврейская праздничная закуска — рубленая селедка с корицей, яблоками и молóками селедочных самцов». А ты так бестактно: «У нас в детдоме на праздник черный хлеб с салом и чесноком давали».

— Это от растерянности. Семья консерваторская — рояль дома, на столе приборы, салфетки крахмальные, а я детдомовский. Не знал, как этот форшмак есть — ложкой или вилкой. Мы в детдоме все ложкой ели и по лбу друг другу ложками стучали.

— Потом, когда я тебя проводила, мне мама сказала: «Он с перспективой, но манерам приличным обучать надо».

— Ну и как — получилось? — Хохлов взял графин и отвернул пробку.

— Я старалась. Сбои у всех бывают. Брак — дело тонкое, в любой момент порваться может. Особо если мужчина серьезный! На таких всегда бабья охота.

— Помнишь, к нам приходил профессор социологии Фогельсон, тебе ручку так виртуозно целовал и цветочки принес? Ты так суетилась насчет вазы. Он подарил свою книгу «Семья и стресс».

— Он межнациональный брак пропагандировал: муж — славянин, а жена — дочь Давида. Как раз наш случай!

— До тебя добирался! Суламифь куприновскую в тебе увидел.

— В каком смысле?

— Он как настоящий ученый-фанат на себе опыты всю жизнь ставил. Знаменитый Гамалея открытую им вакцину от холеры себе ввел... Фогельсон пятый раз женат. Он в пример Членов Политбюро приводил, у которых жены еврейских кровей были. По его теории — количество ошибочных решений Политбюро обратно пропорционально числу их еврейских жен.

— Обаятельный мужчина, но не в моем вкусе. Уж больно шумный! — Людмила серебряной лопаточкой положила на тарелку мужу форшмак, а большой серебряной ложкой — салат.

— Зачем Фогельсону было экспериментировать — его родной брат на хохлушке женат, пятеро детей и все удачные? Она борщ с пампушками, секс на подушке с оторочкой... и нет стресса!

— Ты мне толком о своем брате не рассказывал. Как у него жизнь сложилась после?..

— В детстве разошлись дороги наши, — остановил жену Хохлов и аккуратно наполнил рюмки по золотой ободок.

— А за что он в колонию для несовершеннолетних попал?

— Не будем об этом! За твое здоровье и семью нашу! Без тебя, дорогая моя, так и не узнал бы, что форшмак на хлеб без масла намазывать надо.

Людмила с удовольствием выпила, облизала губы, как делал супруг, и поставила рюмку рядом со своей тарелкой:

— Прости... Не забыл, как мы с тобой в парке на морозе целовались и портвейн пили «Лидия»? Ты меня уговаривал к тебе в общежитие поехать. Я боялась все застудить — на мне белье шелковое было... Заморожу, думала, придатки — и ты на мне не женишься. Знала зачем зовешь и хотела, а боялась.

— Ты больше боялась, что Женька рыжая меня уложит... Зря боялась! Давай по второй. Сегодня не только можно, но и нужно! Пропивать бедность — так с удовольствием!

— Но ведь уложила. Она всем на курсе хвалилась, что с тобой у нее серьезно. А лучше женщины, чем она, ты не найдешь!

— Заяц тоже хвалился, что волку хвост отгрызет... Когда я к твоим на смотрины собирался, мой учитель по жизни напутствовал: «Посмотри на ее родителей и пойми сам для себя главное — с кем будешь разводиться, если судьба попросит!». Мне во всех отношениях повезло: и хозяйка, и любовница, и умница-красавица. Все по Фогельсону. Давай по третьей! Тем более, что разводиться я не собираюсь!

— У меня голова поехала, — Людмила махнула рукой и выпила. — Утром посуду помою... Я тоже не собираюсь... в ближайшие пятьдесят лет.

— За стабильность и не дай бог нам незапланированных мероприятий, — Хохлов ловко опрокинул рюмку.

Прижимаясь к знакомому телу, Людмила спросила:

— Ты говорил, что тебе предлагали по контракту на пять лет в Канаду?

— С моим послужным списком к империалистам уезжать — это авантюра. Я ведь партбилет так и не сдал. Столько лет взносы платил — пусть память останется. Двенадцать лет я протоколы и посерьезнее подписывал... Хоть кто-нибудь деньги предлагал?! На Старой площади[2] понимающие люди сидели и вопросы по уму решали... А вот в трудную минуту, когда нужно было волю проявить, никто на себя ответственность не взял. А было кому — я точно знаю! Конечно, ошибки случались, и немалые, но ведь строили, двигали, запускали. Такая мощь была! В одночасье все рухнуло... Ну и времена!.. Мне взятку предлагают!

— Когда мы в Норильск собирались, а я боялась, ты что сказал: «Мужчина до тех пор мужчина, пока способен на подготовленную авантюру». В Канаде зима наша, а птички на всех языках одинаково поют.

— И переждем этот бардак, хочешь сказать? — Хохлов обнял жену.

— Не бардак, а кавардак. В бардаке как раз порядок... Иначе девицы денег заведению не заработают... Но, естественно, ты знаешь об этом только от меня.

— Ты мне еще анекдот про расстановку кроватей в бардаке расскажи... А что в Канаде вечером буду делать? Здесь у меня лекции в институте, аспиранты.

— Скорее аспирантки!.. В бассейне собственном плавать... Что мужики настоящие с бабами делают?! Я еще хоть куда — сам говоришь... В талмуде написано: «Согрейте в кровати сердце жены приятной беседой и соблазнительными словами...»

— Ну что ж, придется в Канаду талмуд везти и по вечерам не лекции читать, а с запозданием мужской мудрости учиться. Хорошо, хоть в Канаду, а не в Африку.

— Почему?

— Фогельсон уж больно хотел тебе понравиться. Даже сальный анекдот рассказал... «В окно заведения зимой высовывается полуголая барышня и кричит: Тихон, кончай топить, работать нельзя — клиент скользит». Ты краснела и смеялась.

— Не помню!.. Скоро юбилей.

— Какой?

— Ничего вы, мужики, не помните! Тридцать пять лет как я стала твоей... Я встретила недавно Женьку рыжую.

— И как у нее жизнь сложилась? — Незаинтересованно спросил Хохлов.

— Три раза сходила замуж... Не родила. Собирается опять.

— Где будем отмечать?

— Дома. Я приготовлю все и очень красиво оденусь. Увидишь, как я все еще хороша!..

— А я портвейн настоящий, португальский, принесу. Устроим праздник по полной программе... Все по талмуду!

— Я танец живота исполню и буду тебя совращать... Как будто у тебя не одна жена, а я хочу стать любимой!

Через полгода Хохловы стали готовиться к отъезду. Утром в накинутом на голое тело кимоно Людмила провожала мужа. Она поправила ему галстук и, как всегда, поцеловала. От нее пахло дорогими утренними духами. Хохлов недовольно кивнул в сторону шеренги чемоданов, выстроившихся в прихожей:

— Не маловато тары?!

— Не на неделю едем!.. Вдруг понравится, — Людмила со значением посмотрела на мужа. — Я везде хочу жить среди вещей к которым привыкла... И пусть Ванька к нам переедет — ребята в разных комнатах разместятся — уже взрослые. Сонечке бюстгальтер купили. А у Толика и так места всем хватит.

— Я сегодня на работу не пойду. Водителя предупредил, чтоб не приезжал за мной. В посольство сам поеду. Ключи и техталон на месте?

— Как всегда. Я туда днем их положила, когда из бассейна вернулась.

— Письмо из университета Торонто пришло. Приглашают. Посол ждет.

— А ты говорил нечего делать. Меня не забудь только. А талмуд все равно перед сном читать будем, — Людмила кокетливо покачала головой, — особенно важные разделы.

— Надо составить список книг, которые возьмем с собой. В чужой стране, я слышал, проблема семейного стресса актуальна. Трактат Фогельсона включи, — засмеялся Хохлов, — понадобится!

Из прихожей раздался звонок.

— Это сантехник. Я вызывала. Пусть перед отъездом все проверит. Открой, а я оденусь. Надеюсь, в Канаду без меня не поедешь? Профессора, лауреата и мужика сразу и без талмуда оприходуют. Канадские хохлушки ядреные... Пампушками и салом тебя завлекут.

Продолжение на стр. 3

ПРОЗА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

Александр ФАЙН

КРОВНИКИ

Продолжение. Начало на стр. 2

Пожилой худой мужчина в длинном плаще стоял на лестничной площадке:

— Сергей Хохлов? Я Николай... Не ожидал...

Мужчина, не дожидаясь ответа, энергично плечом оттеснил хозяина и, задев его рюкзаком, вошел в прихожую.

— Пригласишь, брат? — гость, прищурившись, посмотрел на хозяина.

— Проходите, — Хохлов растерянно рукой показал на дверь в кабинет.

— На «Вы», значит... Лады!

Из кухни донесся голос Людмилы:

— Кто там, Серёжа?

— Это ко мне, — громко ответил Хохлов. — Мы у меня поговорим.

Войдя в кабинет, гость уверенно направился к окну и, отодвинув портьеру, оглядел двор. Потом оглянулся и, прищурившись, посмотрел на Хохлова:

— Не слабо живешь, брат!

— Не жалуюсь.

— Разговор есть. Присядем. Давно, чай, не виделись!

— Лет пятьдесят.

— Да нет, пятьдесят четыре года и сто семнадцать дней, а точнее суток.

Гость подошел к креслу, стоявшему у письменного стола, постучал пальцами по шахматной доске:

— На что играешь?

— На победу.

— Достойно! А я больше в буру[3] или очко — на интерес.

Только сейчас Хохлов обратил внимание, что на правой руке гостя указательный и большой пальцы срослись, а на лбу его были оспины — следы детской ветрянки. «Это брат Коля — никаких сомнений!»

Гость спокойно снял рюкзак и плюхнулся в кресло, вальяжно вытянув ноги. Потом оглядел стены и показал рукой на боксерские перчатки, висевшие на ручке книжного шкафа.

— По-серьезному или для понта?

— За институт, когда учился, выступал... Теперь иногда в зал хожу с молодежью размяться, чтоб совсем не забыть.

— Помнить надо, что умел по первости... У меня тоже учеба была... Разная... И жизнь, и люди уважаемые учили... Ты присаживайся, брат. По-быстрому не сладим... Дело серьезное!

— Я у себя дома. Что за дело? — спросил Хохлов.

— Вишь, как! Я к брату с открытой душой издалече, а он, вроде, и не рад. Забыл, как тебя в детдоме величали?..

— На память не жалуюсь.

— «Хлюпой» звали. Чуть что — в слюни. Не хохлись ты, Хлюпа. Не каждый день кровник по делу является!

— Детство не хотел бы вспоминать. Мало радости было.

— Что так? Али нынче уже не Хлюпа?.. Перчатки повесил, чтоб очко у других мокрым стало? — заулыбался гость.

— Ты хоть бы написал, где тебя искать?

— Адреса больно разные были. А вдруг не приветил бы ты брата?.. Давай хоть обнимемся!

Николай встал, расстегнул плащ и развел руки. За поясом у него торчала рукоятка пистолета. Хохлов вздрогнул:

— Ты чего, театр пришел устраивать?

— Я в клоунах не ходил. И здесь не за подаянием объявился... Сдается мне, что ты России толком не видел. А она, матушка, большая и неровная. На экскурсию позвать хочу... А это, — Николай медленно вытащил парабеллум, — братка[4] мой... нареченный. Ты присядь, я тебе историю одну поведаю.

Хохлов, сохраняя спокойствие, сел за свой письменный стол и придвинул к себе телефонный аппарат. Николай усмехнулся:

— Зря! Фарт и дальновидность мимо меня не ходят... Директора детдома однорукого помнишь?

— Помню! У него сапоги всегда скрипели и палец большой за ремень засовывал... От него одеколоном сильно пахло... Он Эдика из старшей группы усыновил, которого потом убили.

— Видать, Бог тебя и вправду памятью не обидел. Мы с Эдиком вместе доппитание к хавке тырили. Он мне в подвале этот отцовский парабеллум показал и обещал дать по воронам пошмалять, если я ему сосать буду. И погрозил: вякну — тебя кокнет. А когда директора в госпиталь свезли, сука эта за дровяной склад позвал. Вынул парабеллум, две обоймы к нему полные и поманил: отсосешь — нашмоляемся. Там пилорама работала, пока шумит — мы шмоляем. Магазин выпустили весь. Я в ворону попал. Он предложил вторую обойму зарядить, если я еще раз исполню... Ну короче, я в голову этой гниде, а потом в глаз. Страшно стало, одно дело — ворона, а тут... Братку с патронами сховал и ждать стал. Когда в детдом менты явились, кто-то вякнул, что я с Эдиком в прятки играл... А после колонии один «Духовой»[5] на воспитание взял и в дорогу красивую благославил. Братку с собой брал на все дела. А потом решил — пусть крови лишней на нем не будет... Всяко в жизни может быть!.. Вот и вся песня! Четыре ходки в длинную... До тебя я стучаться не стал.

— Что так?

— Радовался, как ты по лестнице карабкался,.. марать не хотел. Каждому Бог нужный свет в семафоре зажигает... А теперь должок за тобой мне привиделся.

— Какой? — искренне удивился Хохлов.

— На экскурсию вместе поедем. Там расклад будет.

— В другой раз... Я неподготовленные авантюры не признаю. Уезжаю я надолго... по своим делам.

— Может, я всю жизнь готовился. Обижаешь, брат! Хоть и фартовый я, но тоже по уму люблю все делать. По пустому, неподготовленный — не пришел бы!

Николай нагнулся, достал из рюкзака глушитель и стал деловито привинчивать его к стволу парабеллума:

— Глушак этот умелец знатный сделал... Спец!.. Время, брат, штука скользкая... Не ухватишь! Что откладывать? Поездочку твою, Хлюпа, придется отложить... на неопределенное время, — уверенно с улыбкой сказал гость.

— Не стращай! Не из пугливых. — Хохлов встал. — У меня свои планы. Я их не собираюсь менять!

— Пугать не наше дело! — Николай сунул пистолет в карман.

— Открылась дверь, и в кабинет вошла Людмила с кошкой на руках:

— Я чай свежий заварила и пирожки подогрела.

— Скажи родственнице — снохе моей, чтоб в разговор братьев не встревала, — жестко и спокойно сказал Николай.

Людмила в испуге отпустила кошку, та спрыгнула и стала тереться о ноги гостя. Он отбросил кошку ногой, выхватил пистолет и навскидку выстрелил. Кошка отлетела и ударилась об стену, на ней растеклось кровавое пятно. Людмила качнулась, побледнела, закрыла рот руками и упала.

Хохлов некоторое время смотрел на бьющуюся в конвульсиях тушку, потом бросился к жене, встал на колени и приподнял ее голову. Николай спрятал пистолет и подошел к Хохлову:

— Оклемается. Не всяк и мужик на кровь смотреть обучен. Тренировка нужна. Короче, брат! Мое предложение остается в силе... За мной, Хлюпа, выбор!

Хохлов, демонстрируя хладнокровие, повернулся к гостю:

— Квартира под охраной.

— Я, брат, столько автоматов и псов видел.

Гость, не глядя на Хохлова, неожиданно носком ботинка резко ударил его по печени. Давясь от боли, Хохлов отпустил голову жены:

— Что же ты делаешь, гад!

Гость промолчал, потом сложил обе кисти в замок и жестко с придыханием стукнул Хохлову по затылку. Тот стукнулся лицом о пол и затих.

— У нас, брат, свой бокс. Без перчаток — ручонками... Иногда по суровой необходимости приходится... Гладко-то у дураков на букву «му».

Гость сел на Хохлова, за спину завел ему руки, вытащил наручники и ловко застегнул их. Потом подошел к Людмиле и взял ее за подбородок. Она приоткрыла глаза.

— Быстро, красавица, встанем и у батареи белы ручки свои протянем родственнику.

Людмила беззвучно выполнила команду. Николай достал нож и отрезал телефонный шнур у аппарата на письменном столе:

— Я по второй ходке на зоне с одним боцманом о жизни по ночам ворковал. У нас шконки рядом были. Полезный человек! Он меня не только морские узлы учил вязать.

Гость привязал обезумевшую женщину к трубе отопления.

— У нас есть деньги, — произнесла она, всхлипывая. — Что вам надо?

— Через них, — гость поднял растопыренные пальцы, — бумаги столько прошуршало, сколько тебе и не снилось, родственница, хоть брат мой и большой начальник. Этот узел, милая, развязать — фокус надо постичь. А тебе зубки беречь надо!

Хохлов пришел в себя и подергал плечами:

— Ты паскудняк!

— А ты, Хлюпа, видать в женщинах толк постиг. Какую красивую выбрал. Небось в койке клопов не давила!

— Будь мужчиной и не хами, — строго сказал Хохлов. — Здесь не зона!

— Прости, брат, ты сам напросился.

Николай повернулся к Людмиле:

— Тихо себя веди, а то рот алый с зубками перламутровыми кляпом заткну. Насморк случится — чем дышать будешь? Второй телефонный аппарат где?

— На кухне, — Людмила с ужасом смотрела на гостя.

— Ну и ладушки-оладушки. Отдыхай, родственница, а у нас с братом дела географические... и дальние.

Николай неспешно надел рюкзак, потом подошел к Хохлову и помог ему встать:

— На кухню заглянем. Полотенце в дорогу надо взять. Мы люди предусмотрительные!

На кухне Николай оборвал шнур от телефонного аппарата. Потом сдернул кухонное полотенце, обернул его вокруг рук брата и обвязал поверх шнуром:

— Так приличнее будет. Сейчас, Хлюпа, выйдем на свет божий... На спусковом крючке палец... Ученый я и алгебру с геометрией давно постиг. Очко у меня крепкое!.. Не гневи!.. Я не то видал!

Гость кинул взгляд на чемоданы в прихожей и покачал с пониманием головой:

— Пожалуй, и вправду ты далеко намылился. Не слабо барахла нажил, брат! А я в легкую — все свое при мне... Говорят, в гробу карманы не полагаются, — Николай усмехнулся. — Не обижайся, брат, это я не по злобе... Коли нужда будет, добрые люди в миру, чай, не обидят. Россия щедрая!

Николай открыл входную дверь и выглянул:

— Ну с богом! Без нервов, брат! — Он захлопнул дверь, проверил не открывается ли она и несильно толкнул в спину Хохлова.

У подъезда стояла обшарпанная грузовая «Газель».

— Садимся молча. Извини, что колымага не по чину... Заждалась Россия-матушка своих сыновей. Ей все в ровную: хоть Профессор, хоть Деловой!

За рулем сидел щуплый представитель бывшей Советской Азии. Он искренне обрадовался и завел двигатель:

— Сказал совсем мало — полчаса ждать. Давно сижу.

— Брат между нами сядет, у него руки болят, — Николай втиснулся на сиденье и захлопнул дверцу. — Аккуратно вези и правила не нарушай. Мы люди законопослушные!.. Ну, Самарканд-Узбекистон, по Калужскому шоссе поедем. Знаешь?

— Знаю, почему не знаю.

— Давно в столице?

— Три лет.

Когда проехали под Московской Кольцевой, Николай достал из бокового кармана фляжку:

— Без микстуры нутро горит. Тебе, брат, не предлагаю. Настойка больно злая и пахучая. Вырви глаз! Привычка нужна. Знахарь таежный облагодействовал. Жаль кончится скоро... А подмога дюже достойная!

Николай сделал пару глотков, прокашлялся и громко сказал:

— Как в Самарканде рыбки?

— У нас мала рыба.

— Девушки у вас, спрашиваю, красивые? Небось и ночью неленивые?

— Очень красивые. Зачем спрашиваешь? Деньги надо. Нет деньги — нет жена.

— Строго у вас... Я подремлю пока. Как восемьдесят седьмой километр проедем, толкни, Хлюпа. Может, наших рыбок красивых увижу.

Через час они свернули на разбитую дорогу. Газель скрипела и дергалась, попадая колесом в яму.

— За поворотом мост и озеро. Там, Самарканд, и остановишь. Нам с братом отдохнуть надо. Воздухом подышать. У него сильно руки болят.

— Подвеска старый. Сломаться будет.

— К озеру подрули поближе, я твою подвеску посмотрю. Домкрат есть?

— Есть. Деньги нет, чем платить.

— Я тебе сам заплачу — хорошо довез. Мы народ благодарный, к добру чувствительный дюже!

Газель остановилась у самой воды. Николай деловито вышел из кабины и помог спуститься брату. Хохлов стоял и в полубредовом состоянии озирался. Он никак не мог связать себя с происшедшим. «Это был какой-то страшный сон. Что с Людой?.. Где он — неужели это наяву?».

Николай присел на корточки у заднего моста:

— Сюда, Самарканд, домкрат ставь и доску подложи, а то земля мягкая. Домкрат провалится. Посмотрим твою подвеску.

Узбек стал устанавливать домкрат. Николай приставил парабеллум к затылку узбека. Раздался хлопок. Несчастный упал лицом на доску. Из-под головы его потекла кровавая жижа.

— Ну вот и ладушки-оладушки!.. Был узбек — нет узбека. Жизнь — штука сложная, порой даже непредсказуемая и даже несправедливая!

Хохлов стоял с раскрытым ртом. Николай подошел к нему и неспешно снял наручники:

— Ну что, Хлюпа? Теперь кровь на тебе. Возьмут — тебе одну ходку подарю как кровнику, и на кич[6] близнецами[7]...

ПРОЗА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

Александр ФАЙН

КРОВНИКИ

Продолжение. Начало на стр. 2-3

уверенным шагом. У меня последняя ходка будет. А у тебя – как сложится... Стало быть, ты теперь двойной мне кровник... Узбека хоронить по-морскому будем. Домкрат привяжем. У него еще детей нет. Все греха поменьше.

– Тоже мне праведник херов, – Хохлов с трудом приходил в себя.

– Не скажи! На сковородке можно жариться с маслом, а можно без. Полотенцем обвяжи ему голову. Приличнее будет... Поедем дальше, там болото большое. Засосет к утру товарку нашу... Ты пока ноги не делай. Я тебе расклад дам, а там обмозгуем. На что две думалки?! Твоя небось за три пойдет!

Хохлов автоматически передвигал ногами и не понимал, что с ним происходит. К вечеру братья подошли к полузаброшенной деревне. В нескольких домах светились окна.

– К крайней двигай. Береженого волки боятся. Может, здесь и заночуем. Глянь, Хлюпа, на жизнь простую, – Николай усмехнулся и подтолкнул брата плечом.

Хохлов молча подошел к окну и заглянул:

– Старуха картошку чистит.

Николай вздохнул, осмотрелся и неожиданно спросил:

– Откуда взялся наш хлеб второй, ведаешь, Хлюпа?

– В середине шестнадцатого века картофель в Европу завезли, а в Россию в семнадцатом. А как продукт культурного земледелия возделывать начали в Южной Америке... Когда только – не помню.

– К святым просвещенным пойду. Ты мне к знанию большое приобщение по-братски сделаешь... Ученье свет, а неученых тьма тьмущая! Я к знанию интерес имею. Не ко всякому, конечно! – тихо сказал Николай и многозначительно добавил. – ...Кто по жизни фары не успевает менять, а кто всю жизнь с одним фонариком толкается. Я твоим лампасам не завидую, а просвещением обошел ты старшего брата!

Умывшись во дворе из ведра, братья сели за стол...

– Скоро картошечка поспеет, мои милые. Вы мне сколько заплотите?.. Намедни участковый заходил, документы проверял. Я ему хлеба с салом дала, – десяточку оставил.

– Нехорошо, старая, пугать нас. Какой тут участковый! – Николай беззлобно погрозил старухе пальцем.

– У меня сын в городе живет, он три года за пьянку отсидел. Вот милиция интересуется. Я сыну пенсию отдаю, чтоб в сохранности.

– А нас старая не боишься? – Николай достал фляжку и глотнул. – А вдруг мы разбойники?

– Чего мне бояться? Брать у меня нечего. А для утехи не годна уж. Погадать на здоровье могу.

– На картах гадаете? – вмешался Хохлов.

– И на глаз могу. Вот у тебя, – старуха посмотрела на Хохлова, – кость крепкая и кровь чистая.

– Про меня что прощебечешь? – Николай выразительно посмотрел на брата. – Только правду вещай, старая. А то обижусь, – Николай постучал костяшками рук по столу. – Я неправду сильно не уважаю!.. Хотя жизнь-краса такое завертит!

– На погосте, может, еще ты меня ждать будешь? – прищурившись, ответила старуха и принялась фартуком сметать со стола.

Похоже, она поняла, что ей беды не будет и успокоилась.

– Веруешь? – Николай прокашлялся, встал, кинул жесткий взгляд на старуху и подошел к иконке, укрепленной на печке.

Старуха изменилась в лице и ладонями стала разглаживать юбку на коленях. Николай снял иконку, там был небольшой проем. Он засунул туда руку и вытащил сложенный пополам и перевязанный бечевкой толстый бумажный конверт, завернутый в полиэтиленовую пленку.

– И много здесь? Не дури, старая, откуда берешь? – спросил Николай грозно.

– На похороны себе собрала.

– Не боись, старая! Нам твоя заначка к погосту не в усладу! А помрешь, кто про заначку знает?

– Соседка... Как закон, тогда еще, супротив самогонки вышел, старый участковый меня настиг. Я еще молодуха была. Мы с ним поладили: ему стакан и удовольствие, а он молчок. Потом его убрали, а он другому передал уговор наш.

– По полной программе? – спросил Хохлов с улыбкой.

– Новый-то совсем не потреблял.

– Значит, развлекался по двойной программе. Сразу или с остановкой?.. Крепкий мужик, видать, был, – заулыбался Николай. – Раньше что здесь у вас было?

– Колхоз был... Потом деловые приехали, пайки какие-то, леший их знает, собрали... Бумаги подписали. С ними нахтарис какой-то приехал – все печатку на бумаги ставил... И заглохло дело. По сто рублей дали.

– Паи на землю, наверное, – уточнил Хохлов.

– А бес его знает... У нас хор был. Я с председателем пела...

– Небось не только пела? – покачал головой Николай, – И куда делся председатель – сокроватник твой?

– Убили его те деловые. Никого так и не словили. – Старуха напряженно переводила взгляд с одного гостя на другого.

– Ну будет, стращать нас, полюбовница власти и начальства! В койке, видать, не халявничала! Тащи картоху. Может, и выпить чего поищешь в сундучке или подвальчике? Только не пудри больше нам мозги, гадалка.

– У меня тут самогону для добрых людей осталось. Вы уж меня деньгами не обидьте! – старуха явно осмелела.

Она дала им два вонючих порванных тулупа и предложила переночевать в горнице, а сама устроилась на печке.

Обоим не спалось. Они лежали молча. В голове Хохлова крутилось все, как в калейдоскопе. Когда стало светать, Николай тихо сказал:

– Давай, брат, выйдем – подышим. Совет в Филях держать будем. Я тебе диспозицию изложу, чтоб у тебя ясность была, а я в понятке жил. Короче, инвентаризацию полную нашей будущей жизни проведем. Нехорошо когда на глазах повязка...

Они сели у сарая на полугнилые топчаны.

– Я в розыске, слинял из тюремной больнички. Если меня возьмут – сам понимаешь, в отказ по узбеку не пойду. Два шанса у тебя: меня собственноручно к святым или вместе идти и охранять. Завалишь меня – твой фарт, но с кровью брата дальше жить будешь... Дойдем – по-честному твой путь укажу... А теперь, Хлюпа, на свежем воздухе, без фаянсового удобства, рекомендую в одиночестве подумать над моими словами.

– Хорошо! Но зачем этот театр, философия, парабеллум? Если тебе нужна моя помощь, скажи. Причем тут узбек несчастный, путешествие по России? Какая-то мешанина. У меня тоже есть жизнь, интересы, обстоятельства... Извини, и семья... В отместку за детскую беду и мое спасение ты решил меня сделать уркой?

– На жалобь не дави и не гони пароход, Хлюпа! Всему свое время, наш фарт и интерес.

Николай щедро отблагодарил старуху и пообещал на обратном пути навестить ее:

– Придержи для нас самогонку, старая, а язык свой длинный за икону спрячь! А то вольные люди отрезать задумают. А нас не будет – кто заступится?! – Николай ухмыльнулся.

– Мы с понятием, – деловито и спокойно сказала старуха, потом аккуратно пересчитала деньги и перекрестила гостей.

– Ну, в путь, кровник, – Николай поднял рюкзак и тяжело задышал. Потом достал фляжку, глотнул. – Еще на пару раз микстуры осталось. Без нее тяжко, брат, мне будет!

Они молча шли по тропинке рядом с дорогой. Изредка мимо проносились автомобили, чаще грузовые, обдавая их пылью. Николай внимательно оглядел брата и ухмыльнулся:

– Форменка твоя помялась чуток и запылилась!.. За жену не тащи обиду. Другого выхода не было. Сам не захотел по-хорошему!

– Надо было предупредить... Я бы костюм для рыбалки взял, – задумчиво и примирительно сказал Хохлов. – В таких ботинках далеко не уйду – шнурки вот-вот порвутся.

Мысль о том, как строить свои отношения с Николаем сверлила мозг Хохлову.

– Не горюй, братан. Посетим по-доброму магазин типа сельпо – прибарахлишься. Я за тебя в ответе. Стало быть, финансирую... Или ты по-большевистски... за экспроприацию? Поддержу, хоть и не партейный. – Николай усмехнулся. – Молодость красивую вспомню.

– Как у тебя все просто? – покачал головой Хохлов.

– Сложно, когда жизнь из окна кабинета или машины оглядываешь... На станции рекогносцировку один проведешь... Нет ли ко мне интереса?

– В каком смысле?

– Объявления на розыск. А на тебя еще рано. Ларек с харчами увидишь, только огляди по хозяйски... Два билета возьми до конечной. В восточном направлении, естественно. Географию-то еще не забыл, в кабинете сидячи?! Скажешь, мол, инвалида-отца везешь, еле ходит. Пусть одно место нижнее найдут.

Возвращаясь со станции, Хохлов даже похвалил себя, что способен хладнокровно и системно оценивать бредовую несуразицу, в которой оказался, что не искал возможности связаться с женой, которая при ее эмоциональности могла усугубить эту фантасмагорическую ситуацию. В своих мыслях он подошел к месту, где его ждал Николай, и, увидев сидящего на пеньке мужчину в кепке, спортивной куртке и очках, вздрогнул. Но, узнав брата, с деланной исполнительностью доложил ему о выполнении задания.

– В поезде при маскараде поеду, – сказал Николай и встал. – Клифт мой, фасона плащ, дюже модный, накинь, форменку твою беречь будем – вдруг к празднику какому попадем. За харчами здесь не пойдем.

Николай тяжело дышал на нижней полке, вздрагивал и кашлял. Хохлов лежал над ним и в который раз пытался хладнокровно оценить происходящее.

«Вот уж действительно наперед ничего нельзя загадывать... Еще недавно референт отдела машиностроения в буфете на Старой площади обдумывает тезисы к справке по проблеме развития Дальневосточного комплекса; речь в Кремле на вручении ордена Октябрьской революции; ночью заканчивает экспертизу для Генпрокуратуры по аварии в Северодвинске; вчера должен был встретиться с послом Канады, а вместо беседы на английском берет у объявившегося спустя полвека родного брата – уголовного авторитета – уроки фени и выживания, превратившись в урку... Впереди то ли тюрьма, то ли зыбкая надежда возвратиться к прежней жизни путем кардинального решения. А как тогда жить дальше, если нажать спусковой крючок парабеллума, из которого полвека назад пули, посланные Николаем определили судьбу его – Хохлова... Ведь он практически никогда не вспоминал о брате. А Николай на тюремной шконке считал ночи и ждал встречи... А чем виновата Люда, дети, внуки, что судьба поставила его перед страшным выбором... Время нынче другое, произошло смещение нравственных ориентиров в сторону разумной целесообразности. Разве история не знает примеров когда во имя жизни совершали жертвоприношения?! В конце концов почему он, честно проживший, должен все заработанное спустить в фаянсовое удобство?».

Вечерело, когда Николай остановил старенький Пазик, в котором ехали строители. Они возвращались после года напряженной работы на строительстве торгового центра в Подмосковье. Строители были навеселе и нестройно пели по-татарски. Пазик потряхивало. Бригадир – пожилой татарин подошел и сел у прохода рядом:

– Последний раз пьем. Дома нельзя... Мусульманский закон... Куда собрались, уважаемые? К нам в Бугульму?

– Дальше, – спокойно сказал Николай.

Бригадир обернулся и громко сказал:

– Ринат, принеси перепечи и выпить гостям. Это беляши по-нашему, – уточнил бригадир. – Такой красивый центр построили, люди придут – нам уважение.

Высокий молодой красивый татарин в фетровой шапочке фиолетового цвета принес пакет беляшей, бутылку водки и три алюминиевых складных стаканчика.

– Мусульмане, иудеи, православные! Ну какие строители без керосина, – доброжелательно сказал Хохлов.

Они выпили и взяли по теплому беляшу. Хохлов отвернулся и стал смотреть в окно.

– Еще бери... – сказал бригадир. – Раньше дома работы много было, теперь везде ищем. Никогда не знаешь, что завтра будет. – Бригадир вздохнул и повторил вопрос.

– Вот с братом землю выбирать едем, будем дом строить, хозяйство заведем, – улыбнулся Николай. – Мы люди работящие! Нам к земле поближе надо!

– Мало похожи, – бригадир недоверчиво перевел взгляд с Николая на Хохлова.

– Жили далеко друг от друга. У русских отношение к семье хуже стало. – повернулся к беседующему Хохлов. – У вас детдомов мало! А у армян вообще нет.

– Иногда надо посмотреть на жизнь обратно, – задумчиво произнес Николай и слегка толкнул плечом Хохлова.

– Как обратно? – удивился стоявший с бутылкой и пакетом белящей в руках Ринат.

– Живет человек, живет... Дети, работа, жена. Думает все в ажуре. – Никому не должен! А тут приходит один и говорит: «Должок отдай, дорогой».

Неожиданно Пазик резко остановился, Ринат выронил пакет. Он выругался по-татарски, нагнулся и стал собирать рассыпавшиеся беляши.

– Вишь, как в жизни... раз и стоп! – спокойно сказал Николай. – А что дальше?.. Всяко может быть! Отворачиваться от жизни не надо... И соображать чаще.

Послышалась громкая речь. Все, кроме Николая, обернулись. В салон вошли четверо в спортивных костюмах. Первый держал перед собой обрез от охотничьего карабина, в руках остальных были обрезки водопроводных труб. Николай незаметно расстегнул куртку, быстро вытащил из кармана парабеллум и заткнул его за пояс спереди.

– Обосрался что ли, от счастья? – ухмыльнулся подошедший бандит с обрезом.

ПРОЗА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

Александр ФАЙН

КРОВНИКИ

Продолжение. Начало на стр. 2-4

Он ткнул стволом в спину Рината.

– Да что вы, ребята? Мы ж работяги! – встал один из строителей.

Бандит вскинул обрез и, не целясь, выстрелил. Говоривший схватился за плечо.

– Значит так, водопроводчики-сантехники, молча достали бабули и в пакет аккуратно поло́жили... Вась, подскажи, куда класть. Кто вякнет, яйца враз отшибу.

Вася шел по проходу, держа в руке пакет, и ударом трубы по шее или спине приглашал к активному «жертвоприношению».

– А ты кто, электрик? – бандит с обрезом повернулся к Николаю и приставил к его шее ствол.

Николай, улыбаясь, встал и широко развел руки в стороны. Полы куртки разошлись. Увидев рукоятку пистолета, бандит попытался перезарядить карабин, но не успел. Николай левой рукой отбил ствол в сторону, а лбом резко ударил в переносицу угрожавшему. Тот вскрикнул, выронил карабин и, согнувшись, схватился руками за лицо. Николай сложил кисти в замок и сильно с придыханием ударил бандита по затылку, подняв колено. Тот ткнулся лицом в колено, повалился в проход и замер. Николай поднял карабин и, взяв его за ствол, прикладом придавил лежавшего к полу. Потом выхватил пистолет и приказал:

– Всем лежать, сучки корявые. Завалю, как легавых... Брат, возьми волыну[8]. Уходим.

Николай пошел по проходу, размахивая пистолетом. Дойдя до лежащего Васи, выдернул из его руки пакет с «жертвоприношениями», вынул пару кошельков:

– Это гонорар... Бывайте, однополчане. – Он засмеялся. – Аккуратнее с оккупантами-экспроприаторами, чтоб не обоссались от счастья. Свинца жалко, а то перешмолял бы, как собак бешеных.

Последнему бандиту, лежавшему у входа, Николай выстрелил в ногу. Тот вскрикнул.

– Извини, не могу убрать, коли не шмальнул. Мы люди законопослушные... Ну так, друзья-водопроводчики. С вшивотой приблатненной сами разбирайтесь. У нас свои дела... Да и времени в обрез.

Они вышли из Пазика. Хохлов шел за братом, как пьяный.

– Дай волыну, – приказал Николай.

Он прострелил три колеса, удостоверился, что патронов больше нет, разбил карабин о последнее колесо и ухмыльнулся:

– Зачем тебе фарт из моих рук давать... Пойдем, Хлюпа! Главное – не поддаваться эмоциям и оружием пользоваться умеючи!

Братья свернули в лес. Неожиданно Хохлов подвернул ногу и, корчась от боли, присел на карточки, стал растирать голеностоп:

– «Привычный вывих» называется по медицине. В футбол играл в институте.

– Давай руку, Пеле. Не такой уж ты и здоровяк, как бабка щебетала.

– Я посижу малость. У меня это быстро проходит.

– Вижу, что пургу не гонишь... Здесь сыровато для меня. Прихватит – тебе фарт, как два туза. Место посуше выберем, – там и оклемаешься!

На пригорке Николай постелил куртку. Братья сели рядом, касаясь спинами. Неожиданно Николай схватился за горло и стал, захлебываясь и отхаркиваясь кровью, кашлять. Он скинул рюкзак и встал на колени:

– Растегни, – сквозь приступы рвоты и конвульсии прошептал он, дергая себя за ремень.

Хохлов вытащил парабеллум и отпустил ремень. Держа в руках пистолет, он стоял над братом, не зная, что предпринять. Постепенно приступ ослабевал. Николай откинулся на спину и закрыл глаза. Конвульсии прекратились. Спустя пару минут он открыл глаза:

– Первый раз крепко так мутузило. Вроде полегчало, – побледневший Николай вытер пот со лба и, показав рукой на пистолет, спокойно сказал, – что путевочку мне не вручил и свой фарт не словил?.. Не просто, Хлюпа, в лежачего шмальнуть... Неужто братская кровь за меня заступилась? Али кишка тонка? Жизнь-то, брат, не диссертация!

Хохлов протянул брату парабеллум и деловито спросил:

– Идти сможешь?

– Чуток отдышусь... Глотну последки... – Николай достал фляжку. – Похоже там поселок, огни горят... Ты когда-нибудь тушил пожар в душе?

– Тушил... пошли, пожарник, – многозначительно ухмыльнулся Хохлов и помог надеть рюкзак брату.

Около крайнего дома стоял столб, на котором раскачивался тусклый фонарь.

– Чую утробой – провиант нам судьба заготовила. Замок на щеколде, стало быть, нас ждут... Ваши главные как наставляли: грабь награбленное. По-ленински-сталински действовать будем. Вон доска. Неси голубу – отворять будем!

Сидя на крыльце, братья сортировали продукты.

– Быстро ты дело, Хлюпа, освоил... А может, темнишь – специальность имеешь, а мне фраера битого[9] гонишь? – Николай громко засмеялся и закашлялся. – Тебе по другой специальности идти надо... В авторитеты быстро выбьешься. Я словечко замолвлю... Родимую по полной грузи... Понадобится и самим, и людей угостить...

– Я слышал, что ворам в законе нельзя участвовать в делах, иметь материальные блага, семью. Они только от казны воровской живут... Споры разрешают.

– Закон ослаб... Много чужих звезды накололи, славы и власти, не заслужив, захотели!.. Мог меня в лесу закопать с концами. Что не стал? Благородство, брат, дело опасное... А самосохранение перспективное! – Николай усмехнулся. – Согласен?

Хохлов не ответил, откупорил бутылку и сделал пару глотков:

– Как такое люди пьют? Это ж форменный денатурат.

– Ничего, попривыкнешь! – Николай взял бутылку и, запрокинув голову, стал вливать содержимое в горло, ритмично пульсируя кадыком.

– Я так не смогу.

– Попробуй, – Николай улыбнулся и протянул бутылку. – Освоишь, к чифирю потянешься.

Хохлов повторил упражнение, отдышался и сказал:

– Давай закусим, а то в голову ударит.

– Дело говоришь. – Николай отхаркнул кровавый сгусток.

Они допили бутылку и закусили с ножа свиной тушенкой.

– Как бы опять не прихватило... Рюкзак дальше ты понесешь. Мне тяжко будет, братуха! Дыхалка не тянет.

– Давай постелю – отлежишься.

– Нельзя, на земле полежу – притянет к земле. Не встану! Пойдем в магазин. Там переночуем.

– Как в магазин? – искренне удивился Хохлов.

– По очереди покемарим... Утром хозяйка придет, все объясним, втройне заплатим. Договоримся. Мы люди серьезные, порой даже образованные.

– А если мужик?

– Баба! Там сапоги у входа женские стояли и косынка на вешалке... И запах женский, – Николай засмеялся. – Из тебя разведчик... как из меня домоуправ.

Хозяйка Люба оказалась разумной и сговорчивой. Она без скандала взяла деньги, навела порядок в магазине, с помощью Хохлова навесила щеколду и повела братьев к себе домой. Николай периодически останавливался и тяжело кашлял.

– Что с ним? – заинтересованно и тихо спросила Люба. – Он кто тебе?

– Брат. Ему отлежаться надо пару дней. Мы заплатим, – деловито сказал Хохлов.

– Да что вы все заплатим да заплатим – небось не нищая! Чего людям хорошим не помочь?!

В доме было ухожено и чисто.

– Может наливочки с устатку – я сама делаю, кровь чистит... Меня тут ведьмой зовут. Насквозь людей вижу.

Она достала графин с темной жидкостью, быстро собрала на стол и наполнила небольшие граненые стаканчики.

– Как наливочка? – спросила хозяйка, оглядывая гостей.

– Больно сладкая, – тихо сказал Николай. – Мне бы прилечь. Скребет в горле, дышать тяжко.

Люба помогла Николаю лечь на кровать и вернулась к столу.

– Ты я вижу в историю попал. На душе пожар у тебя... Не знаешь, что делать. Оставь мне брата, я его выхожу – ему кровь успокоить надо. Одинокий волк он. А ты домой к жене возвращайся.

– Вы, Любовь, я чувствую, серьезная женщина.

– А я молода, на все годная! Брат твой и проверит... Между вами черное было и кровь... чужая. Ты, видать, начальник!

В окно сильно постучали. Люба встала недовольно, подошла к окну, отодвинула занавеску:

– Федя, иди домой. Гости у меня. Завтра придешь.

Она вернулась за стол.

– Ухажер... Глазюки налил спозаранку, видать, кто-то угостил... Учителем у нас работал... Школу уж два года как закрыли. Теперь в поселок торфяников детей возят... Замуж зовет... Какой из него муж! Давай, еще наливочки налью. С тобой выпью...

Дверь затряслась от ударов.

– Я ему объясню! – Хохлов встал. – Настырный, хахаль твой!.. Или ревнивый?

– Не надо. Я сама. На кулаки полезет... Какой из него хахаль! За стакан держится... А человеком раньше был!

Они вместе вышли на крыльцо. Перед ними, качаясь, стоял худосочный пьяный мужик в длинных черных трусах, резиновых галошах на босу ногу и несвежей ковбойке.

– Дружище, чего расшумелся?! Видишь, родственники приехали. Погостим пару дней и уедем. Не обидим твою пассию.

– Она моя женщина... Всех перетравлю, как собак бешеных. А из нее Жанну д'Арк сделаю.

Неожиданно открылась дверь, и на крыльце появился Николай. Он молча отодвинул брата и Любу, подошел к Фёдору и ногой ударил его в пах. Зажав руки между ног и вскрикнув, Фёдор встал на колени. Николай, не глядя на него прокашлялся, сплюнул и ушел.

Днем они все помылись в бане. До вечера Люба суетилась, обхаживала гостей. К вечеру Николаю стало лучше. Люба постелила Хохлову в горнице, а сама в красивой ночной рубашке легла в кровать к Николаю. Она провела рукой по его лицу:

– Находился ты, устал от волчьей жизни. Оставайся, я тебя обихожу. У меня достаток есть, а мужика нет. Баба я сладкая – не пожалеешь... Деток нет, хозяйство, магазин есть... Я и за гадание беру...

– Это кто? – спросил Николай, показав на фотографию, приколотую к ковру над кроватью. – Твой бывший? Вроде не наш.

– Радж Капур. Фильм такой индийский «Бродяга». Как ты! Вот хочу съездить в эту самую Индию по путевке. Хочешь вместе поедем, – засмеялась Люба.

Хохлов лежал на матрасе у входной двери и в очередной раз обдумывал, как выбраться из этой запутанной ситуации. Самое страшное, что он не испытывал никакой неприязни к брату, судьбой так жестоко наказанному за то, что когда-то в детстве заступился за младшего брата.

Его тяжелые мысли прервал запах гари, который тянулся от входной двери. Хохлов вышел во двор и пошел на запах. У сарая тлел комок пакли. Николай затоптал его и огляделся: «Небось это Фёдор. Несчастный человек. Даже сарай поджечь не смог!».

Утром, когда Люба позвала мужчин за стол, Хохлов рассказал про ночное происшествие.

– Пристроила его на торфоразработки. Сбег... Сдохнет под забором. Жалко!

Люба щедро угощала гостей.

– Нам с братом отъехать надо. Дело сделаем и вернусь... – Николай помолчал и добавил с улыбкой, – коли живой буду.

У дома остановился Газик. Спустя минуту в дверь сильно постучали. Послышался командный мужской голос. Вместе с Любой в горницу вошел немолодой старший лейтенант милиции.

– Гости? Попрошу документы. Я участковый.

– Садитесь, – предложил Хохлов.

– Не положено. Документы предъявите, – повторил участковый.

– Ко мне гости. Что такого, Василий Иванович?

– Твой прибежал, говорит, бандиты какие-то приехали.

– Ты чего, Иваныч, пьянь эту слушаешь. Он петуха мне красного чуть не устроил. Хорошо мужики в доме были.

– Сейчас достану. Ты куда мой паспорт сунула? – Николай по-хозяйски повернулся к Любе и глазами показал, чтобы она вышла с ним на кухню. – Коли власть хочет познакомиться, мы со всем уважением.

Люба и Николай пошли на кухню. Он быстро достал парабеллум:

– Спрячь! Если что, пусть у тебя побудет. Договорюсь – возьму.

Люба молча сунула пистолет в нижний ящик кухонного стола и пошла за Николаем. Он подошел к участковому и положил перед ним на стол новенький паспорт.

– Васильев, значит, Николай Андреевич. А чего такой доку́мент свежий? Сам-то не молодой, чай, – участковый полистал документ.

– Старый выкрали. Беспокойно нынче.

– Ну хорошо, а ваш? – участковый обратился к Хохлову.

– Я дома забыл.

– Торопимся мы больно с братом. Люди ждут... Конкуренция! – опередил с ответом брата Николай. – У нас денег в обрез. Как бы не перехватили.

– А ваша фамилия? – участковый с прищуром посмотрел на Хохлова.

ПРОЗА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

Александр ФАЙН

КРОВНИКИ

Окончание. Начало на стр. 2-5

— Сергей Андреевич Хохлов.

— А почему фамилии разные?

— У меня по матери, — быстро сказал Николай, — а у него по отцу. У нас родители разошлись, мы еще маленькие были. Померли они. Вот решили вместе с братом доживать. Землю нашли. Сколько Бог отпустит — рядом побудем.

Хохлову вдруг стало легко: «Может, сама жизнь решит все!.. Задержут и разберутся».

— Ну чего ты, Иваныч, дурку ломаешь? Коля свататься приехал. Мне что, до погоста куковать? Ты Клавку, а не меня взял. Чем я хуже была?.. А Федька заревновал — простая песня! Старый что ли ты совсем стал? Забыл, что бабе нужно? Я у печки жопу устала греть... Коля жить здесь будет. И проверишь, что тебе нужно. Распишемся — на свадьбу позовем.

— На свадьбу приду, — доброжелательно сказал участковый и встал.

Когда власть ушла, Николай подошел к Любе, обнял ее и восхищенно покачал головой:

— А то как и распишемся, Федьку куда определим?

— Магазин по ночам сторожить... от всяких. — Люба засмеялась. — Днем шляться меньше будет!

— А я куда? — засмеялся Хохлов.

— На свадьбе отцом посажóнным, — засмеялся Николай и стал надрывно кашлять.

Вечером Люба несколько раз убегала из дома, потом пришла довольная, отозвала Николая на кухню. Они долго шептались.

Утром к дому подъехал старенький фургон, из кабины вышел водитель с сигаретой. Он открыл задние двери и повернулся к Любе:

— Давай, клиентов своих зови. У меня время в обрез.

Люба подошла к нему и протянула два пакета:

— Как договаривались. Верхний твой. Скажешь, что люди серьезные — я отвечаю. Лечиться один брат другого везет.

Во двор вышли братья и полезли в кузов. Откуда-то появился с букетом цветов Фёдор. Он был в костюме, рубашке с галстуком и чисто выбрит.

— Пришел извиниться, Любовь Петровна. Я вчера малость понервничал. У меня обиды нет.

— Да ладно, Федя. Я зла не держу... Цветы где взял?.. Неужто в лес ходил?

— Сам собрал.

Люба взяла букет полевых цветов и помахала им отъезжавшему фургону.

Спустя час фургон подъехал к пристани, у которой пришвартовалась баржа со штабелями досок. Водитель передал пакет капитану — седому плотному мужчине в несвежем белом кителе, застегнутом на все пуговицы, и мятой фуражке с кокардой.

— Давай, зови... Они кто? — спросил он.

— Мое дело довезти. Люба сказала, что ува́жить надо. На лечение едут!

— Сутки пройдем, на берег высажу — хоть хворых, хоть здоровых, — строго сказал капитан.

Когда братья подошли к трапу, капитан позвал матроса, который стоял на борту у лебедки. Тот спустился.

— Переночуешь у боцмана... У тебя разместятся. По команде сойдут. Таньке скажи, чтоб на довольствие поставила.

Через полчаса Николай и хозяин каюты разговаривали вполголоса. На маленьком столике еле уместились две открытых банки тушенки, ножи, крупные ломти серого хлеба, пучок зеленого лука и две поллитры водки. Иллюминатор был закрыт, по нему ползали жирные мухи, которые принимали участие в трапезе. Но беседующие не обращали внимания на мух. Хохлов сопел на верхней полке, периодически бормотал что-то невнятное и вздрагивал. Мерно стучал дизель.

— Давно бороздишь? — Николай постучал кружкой по столу.

Они чокнулись.

— А чем худо?! Концы отдал — концы взял... Борща нальют.

— Не темни. Коли харчами делимся, побазарить от души можно. На матросню не тянешь... Душняк у тебя!

Николай разделся до пояса. Матрос открыл иллюминатор. Повеяло речной прохладой. Мухи улетели.

— Нажрались залетные, — улыбнулся Николай.

— Я ж не пытаю, почему расписной, — матрос кивнул на татуировку, покрывавшую плечи и грудь Николая.

— Ты прямо, как опер. Еще лампу поставь на стол... Хлопотал? — Николай поднял бутылку и налил в кружки. — Поделись от души, легче будет!

— А ты кто, чтоб меня исповедовать?!

Мужчины сидели молча. Хохлов перевернулся на спину и стал храпеть.

— Брат! — Николай кивнул в его сторону и посмотрел внимательно на матроса. — Чего злобу носишь? Еще примешь?

Николай в упор посмотрел на матроса и налил обоим по полной кружке.

— Не откажусь, — матрос выпил, поставил кружку на стол и ножом подцепил мясо из банки. — Я на сухогрузе капитаном ходил. В ремонт поставили, а денег не дали. Тут времена пришли. Я кредит взял, выкупил железо, отремонтировался. Зарабатывать стал. Сын родился. Дом стал строить новый. Местные деловые предложили кругляг вниз возить, а обратно доску. Дело выгодное — в оба конца не порожняком. Сказали — документы на обратном пути сразу будут, короче — не было документов. Я уперся. Ночью у меня менты на борту подснежника[10] нашли, семья шухер подняла... Видать, припугнули или денег дали.

— Хомут какой повесили?

— Год процесс шел и четыре на зоне. Жена с долгами на адвокатов крутилась... Женщина она красивая, один умелец стал помогать. В общем, живут они, сыну за отца стал. Узнал я про их жизнь — совсем невмоготу стало. Ночью спать не могу, хавка в рот не лезет... Ноги сделал. А потом опомнился — всем все сломаю. Сыну я кто — коли покажусь?.. Короче, меня на эту баржу без документов до зимы взяли. На берег по ночам схожу, когда приспичит... А потом в каюте волчарой вою.

— А зимой?

— На дно лягу, — матрос тяжело вздохнул, закрыл глаза и опустил голову.

— А дальше?

— Не знаю! Каяться — дадут столько, что откинешься на зоне — меньше красненькой[11] не объявят. Адвоката приводили... У меня таких денег нет.

— Слушай, беглый, и молчи. Мне топтать недолго. Черно-белое[12] у меня чистое есть. Найдешь умельца, он портрет твой нарисует. Бабу нормальную возьми, вон их сколько на «бай-бай» просится. На глубинке осядешь — Россия большая! Молчи больше и делай чаще.

Николай вынул паспорт и протянул матросу.

— Могу заплатить... не густо, правда! — матрос раскрыл документ.

— Не суетись. Я не пустой. У меня «вездеход». Брат пропуск хоть в Мавзолей — с Володей без ксивы полежать устроит, — Николай засмеялся.

Неожиданно у него начался приступ с конвульсиями. Проснулся Хохлов. Вместе с матросом они положили Николая на нижнюю полку. Скоро ему стало лучше. Хохлов поблагодарил хозяина и сказал, что дальше сам справится. Николай тяжело дышал.

— Ну что, Серый, видать курносая[13] заяву на меня подала... Ты кино «Бродяга» видел?

— Лет сорок назад.

— А я не видел. У него, бродяги того, женщина была?

— Была.

— Опоздал я, Серый!

— Мы еще твою свадьбу с Любой сыграем. Я цыганочку на ней с выходом исполню. — Хохлов взял за руку брата.

Николай захрипел, потом стал стонать и вдруг заснул. Хохлов всю ночь сидел рядом с братом и утром принес ему поесть. У Николая опять начался приступ, но к обеду ему стало лучше. В каюту зашел матрос. Он обратился к Николаю:

— Чем могу ответить?

— Семью заводи. У каждого своя дорога. Сына роди...

— Швартоваться будем. Идти сможешь?

— Не горюй, матрос... Курносая меня на берегу ждет... Она — подруга верная!

Братья медленно поднимались по узкой дороге. Хохлов поддерживал под руку Николая. Навстречу им шла пожилая женщина в черном платке и длинном черном платье.

— Уважаемая, нам бы в больницу поскорее, — обратился к ней Хохлов.

— Через парк пройдете — там больница. Здесь недалеко.

— А что музыка играет? — задыхаясь, спросил Николай.

— По праздникам после службы народ с детьми собирается. А я в церковном хоре пою... В храме служу. Вон на горе стоит.

— Вид оттуда красивый, — мечтательно произнес Хохлов. — В старину знали, где храмы возводить. Сколько лет вашей церкви? Судя по архитектуре, она в восемнадцатом веке построена.

— Поболе будет. Нам три иконы Великий князь Кирилл, дай Бог ему память народная, пожертвовал.

Николай закашлялся и, держась за брата, сел на землю:

— Отдышусь... А кладбище при церкви есть? — еле слышно спросил он

— Там нынче не хоронят. У нас в больнице главврач добрый, верующий. Он там и живет... Дай бог здоровья!

Женщина поклонилась и пошла, не оглядываясь.

— Достойное место... Что-то резко взяло... Воздух хороший... Что Бродяга тот в кино пел? Хорошо, Серый, в праздник уходить... Вот и твой костюм пригодился... Хорошо, что шнурки целы, — Николай глубоко вздохнул и подмигнул брату.

— Я уж и слов не помню. «Бродяга я...» вся страна пела.

— Это про меня... Не той дорогой шел я, Серый! Топтал зачем землю?.. Ты прости меня, Серёжа.

В больничной палате рядом с кроватью сидит Хохлов. Он полотенцем стирает с губ Николая кровавую пену.

— Амба[14] мне. На груди, Серый, крест... Открой его.

Хохлов вынул свернутую фотографию мальчика лет тринадцати с грустными умными глазами.

— Читай, — еле слышно произносит Николай. — Там адрес, сын... тезка твой,.. в детдоме... Здесь недалеко... Боксу и шахматам учи... За кошару прости.. Узбека... кровь на себя возьму. Не тужи, Серый... Ты человек... с такими мне по жизни... а я... мимо!

— Держись, Коля, сейчас врача позову. — Хохлов взял ладонь брата в свою и сжал.

Ладонь Николая была влажная и безжизненно холодная.

— Поздно, Серый!.. Кранты[15]... Меня сам закопай, братку под меня положи... со мной уйдет... Сережа — кровь наша... За меня ему не говори.... Ты отец... Жене твоей поклон низкий... Сын... У него на свадьбе цыганочку... Денег дай... все... чтоб у церкви рядом... Прости, Боже!.. И ты, родной, про...

Людмила открыла дверь:

— Что так долго? Серёжа с обеда тебя ждет, расставил шахматы и отказывается без тебя есть. Пятница...

— Что делает?

— Узнал, что ты на похоронах Фогельсона, и взял читать его книгу. Говорит, что хочет стать психологом и помогать людям сохранять семью в стрессовых ситуациях... Какие же дети умные нынче!

— Благородное и выгодное дело! Но теория и практика — разные вещи, особенно в межличностных отношениях. Столько нюансов... Фогельсон считал, что самый надежный брак — второй, а сам своим женам счет потерял. Одна американка сказала, что в основе успешного брака — простая истина: «Кормить этих мерзавцев надо». А в условиях существования теперь отделов кулинарии — это особенно важно. Женщины обленились готовить... Но это тебя выгодно отличает.

— И все, что меня отличает?

— Нет, конечно! Но вкусно поесть домашнее, приготовленное любимой женщиной — важное дело.

— Как все прошло?

— Хорошо, когда на похоронах много людей. Значит, не зря прожил! Наверное, не меньше трехсот попрощаться пришло. Два оркестра. Цветов гора... Человек десять выступало. Его книги на английском и немецком издавали. Все его жены были... Накрой по полной программе и хлеба с салом не забудь... Помянем Фогельсона по-православному!

Примечания:

1 — легендарный советский гроссмейстер, 6-й чемпион мира (1948—57, 1958—60, 1961—63), доктор технических наук, основатель школы юных шахматных талантов, работал над созданием компьютерной шахматной программы.

2 — на Старой площади размещался аппарат Центрального Комитета КПСС.

3 — тюремная карточная игра.

4 — пистолет, (блатн.), в тексте употреблено в двойном смысле.

5 — опытный, авторитетный вор (блатн.).

6 — в тюрьму, место отбытия наказания (блатн.).

7 — неоднократно судимые подельники (блатн.).

8 — огнестрельное оружие (блатн.).

9 — опытный бывалый человек, не связанный с блатным миром (блатн.).

10 — труп (блатн.).

11 — десятилетний срок наказания (блатн.).

12 — паспорт на чужое имя, фальшивое удостоверение личности (блатн.).

13 — смерть (снисх., блатн.).

14 — конец (блатн.).

15 — крах, смерть (блатн.).

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Наталья Гранцева
«Герои России под маской Шекспира»
СПб.: Союз писателей СПб., 2015

Одним из важнейших культурных событий 2016 года стал 400-летний юбилей со дня кончины величайшего поэта и драматурга всех времен и народов Уильяма Шекспира. Неудивительно, что в преддверии столь знаменательной даты темная, витиеватая «шекспириада», история которой насчитывает уже не одно столетие, в очередной раз набрала силу и мощной волной захлестнула мировое информационное пространство. Множество литературоведов, писателей, историков в очередной раз начали вытаскивать на свет самые разнообразные гипотезы о жизни и творчестве непревзойденного английского гения.

И книга Натальи Гранцевой «Герои России под маской Шекспира» как раз являет собой классический образец исследования в рамках «шекспириады» – хотя и с осторожностью, но все же претендующего на некое новаторство. При этом автор полностью отдает себе отчет и неоднократно подчеркивает для читателя, что не может претендовать на всеобъемлющее понимание личности Шекспира и тем паче его необъятного творчества. «Шекспир был больше своей жизни и больше своего времени. Шекспир был больше своей эпохи – эпохи позднего Возрождения. Шекспир был и больше истории литературы и истории Британии», – справедливо отмечает исследователь, добавляя, что пьесы Шекспира – это в первую очередь поэтические шедевры, а не материал для театральной постановки, поскольку ограниченное пространство сценической площадки просто не в состоянии вместить масштабы его произведений.

Да, Шекспир больше театра. Больше литературы. Шекспир – больше, чем Шекспир. Кто знает, может, именно поэтому «потрясающий копьем» и вызывал такое яростное, граничащее с ненавистью, раздражение у нашего «демиурга» Льва Николаевича Толстого. Может быть, именно невозможность человечества смириться с тем, что один индивид способен оставить после себя настолько огромное, разноплановое и при этом в равной степени гениальное наследие и породила все эти конспирологические нагромождения вокруг личности великого драматурга. Всех претендентов на роль Уильяма Шекспира, с помощью которых исследователи то и дело норовят свергнуть сына бедного перчаточника с его незыблемого пьедестала, даже трудно перечесть: Роджер Рэтленд, Фрэнсис Бэкон, Кристофер Марло, граф Оксфорд... Последнее из попадавшихся мне на глаза исследований такого рода принадлежало культурному деятелю Отари Кандаурову, в котором автор воедино собрал чуть ли не всех возможных «шекспиров», объявив «потрясающего копьем» «чудом английских Розенкрейцеров» – то есть коллективным порождением этого тайного ордена.

К счастью, исследователь Наталья Гранцева не пошла по этому, надо сказать, изрядно истоптанному пути, а выбрала куда более благодатную нишу, перенеся свои конспирологические изыскания в мир шекспировских пьес. Исследование ее разделено на две части, первая из них рассматривает семь наиболее известных произведений Уильяма Шекспира с новой, непривычной точки зрения. Так, по мнению автора книги, Горацио, возможно, был вовсе не другом Гамлета, а шпионом, подосланным норвежским королем Фортинбрасом с целью окончательно загубить «подгнившую» датскую державу; Джульетта любила вовсе не Ромео, а Париса, и вся шекспировская трагедия не более, чем кошмарный сон, привидевшийся девушке накануне свадьбы; Отелло расправился с Дездемоной не в приступе ревности, а казнил ее за политическое предательство; наконец, кровожадный Макбет на самом деле был не преступником, а жертвой... Все эти, на первый взгляд, абсурдные выводы автор исследования подкрепляет цитатами из произведений, историческим контекстом и логически выстроенными аргументами, что делает выдвинутые ею гипотезы если не справедливыми, то, как минимум, интересными и дающими пищу для размышлений. Но главной все же является не первая, а вторая часть исследования, ради которой, как следует из названия, и была написана книга. Здесь речь идет о связи мира шекспировских пьес с историей России периода Смутного времени. Исполненная загадок, можно сказать, детективная история смерти царя Бориса Годунова и его семьи, по мнению автора, не могла не привлечь внимание «Великого Барда» Уильяма Шекспира. «Русский след» Наталья Гранцева находит в целом ряде его произведений. Так, например, согласно ее гипотезе, в комедии «Бесплодные усилия любви» за маской Наварры прячется Московия, за именем Фердинанда Наваррского – тайно эмигрировавший в Англию царевич Фёдор Годунов, а под шутовским колпаком комедии скрывается историческая хроника. «Возможно, именно в шекспировском каноне содержится конкретная дипломатическая информация, воплощенная в сюжетах его поэтической драматургии», – делает предположение Наталья Гранцева. Намеки на историю семьи Бориса Годунова исследователь видит и в волшебной «Зимней сказке», и в «Двенадцатой ночи»...

Суждения о том, насколько правомерна гипотеза Натальи Гранцевой об истинной подоплеке шекспировских произведений, остаются на откуп читателю. В конце концов, выйдя из-под пера художника, литературные шедевры начинают жить своей собственной жизнью, и каждый волен видеть в них то, что ему ближе. Что есть шекспировская трагедия – театр человеческих страстей или арена хитроумной политической борьбы за власть, в которой люди – всего лишь марионетки? Что есть шекспировская комедия – добрая, поучительная сказка или замаскированное изложение реальных событий?.. Едва ли кто-то решится дать однозначный ответ. Как пишет сама Наталья Гранцева, ее гипотеза «в лучшем случае может описывать лишь фрагмент одной большой идеи» великого мастера. Ведь для того, чтобы вместить шекспировскую идею целиком, мало не только книги, но и жизни.

Марианна РЕЙБО

Дмитрий Мурзин
«Бенгальская вода»
М: «Вест-Консалтинг», 2014

Мурзин преобразует прозу в поэзию. То есть скажу точнее: в его художественных замыслах нет ничего поэтического; он даже в одном месте признается: «Мало того, что не пишется./ Не хочется, чтобы писалось». А в чем дело? Вновь и вновь листаю книгу и прихожу к мысли: да ни в чем. Мир у поэта какой-то не такой, лето в нем, на беду, сменяется осенью: «В сентябре, октябре, ноябре/ Человечек особенно смертен»; хочешь заглянуть в себя – находишь одну тоску: «Покопаешься в себе, / И охота закопать»; задумаешься о нынешнем веке – и вовсе не до красивых поэтических фраз: «Лучше промахнуться на октаву,/ Нежели продаться за монету,/ Повестись на почести и славу», – впрочем, стихотворение начинается так: «Список вписок. Перечень причин./ Выпасть из реестра, из регистра...», – ага, вот они, искусные аллитерации, забота о слове, о звуке; понятно: прозой о своих настроениях рассказывать скучно – стихами куда интересней, даже и горькое остроумие можно проявить, и цитаты из классиков иронически обыграть. Да и тоска из банальной, неплодотворной превращается в высокую, поэтическую; ну просто радость, а не тоска! Эта радость и заставляет меня читать Дмитрия Мурзина, поэта блоко-есенинского склада:

Сумерки крадутся по дворам...
Осень в решете приносит дождь.
И такая сладостная дрожь
По прошедшим летним вечерам. <...>

Осень мне цветные крутит сны
На обычной простыне в горошек.
Хочется быть умным и хорошим
И не просыпаться до весны.

Тем более что зима у Мурзина выступает метафорой российского неблагополучия: заросшие поля, опустевшие деревни: «Пришла зима в поля пустые –/ Благая весть с пустых полей./– Не узнаю тебя, Россия.../ – А ты налей!». Хмельное зелье – единственное, что может хоть как-то взбодрить человека на земле, где «ни мужичка нет, ни лошадки,/ И некому торжествовать».

«дерево в степи / одинокое / как человек» – этот верлибр на одной из последних страниц книги не удивляет меня; именно благодаря душевному одиночеству так сильна гармоническая нота у Мурзина, стремящегося к предельной простоте и прямоте. «Я устал от твоих изысков», обращается он к подруге и просит: «Обмани меня по-простому, / На каком-нибудь ровном месте». Говорить «по-простому» желают и сами стихи Дмитрия Мурзина. Хотя... он и сам прибегает к изыскам, иначе не написал бы, например, таких строк: «Осень желтые носит носки,/ И за шиворот капает вечность».

Да, поэты – народ непоследовательный. Тем и интересны.

Эмиль СОКОЛЬСКИЙ

РЕКЛАМА

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ» –
WWW.LITLAVKA.RU

Здесь книги можно приобрести по ценам издательства.
Доставка по Москве в течение 1 дня. Тел. для справок: (495) 971-79-25

КНИЖНАЯ ПОЛКА

«Молодая “Нева”». *Романы. Повести*

СПб.: Союз писателей СПб., 2015

На обложке книги, изданной Санкт-Петербургским Союзом писателей, изображен строго одетый молодой человек, на нем рубашка и галстук. В его правой руке – гаджет, человек внимательно смотрит на экран. Темные очки довершают образ молодого человека. К выделению из общего потока сочинений начинающих писателей отношение у меня двоякое. Считается, что будущее – за молодыми, что они окрепнут, «обрастут мясом» и начнут выдавать на-гора шедевры. Но действительность чаще всего опрокидывает эволюционные теории творческого развития «инженеров человеческих душ». Гении – они и в 20 выдают результат. А кто и в 35 еще «начинающий», вряд ли станет новым Толстым или Чеховым. С другой стороны, молодому писателю действительно нужна поддержка. И, с этой точки зрения, начинание журнала «Нева» и ее главного редактора Натальи Грацевой достойно самой высокой похвалы.

Сборник «Молодой Невы» открывается романом, написанным двумя дебютантами в соавторстве. Словно Ильф и Петров, Александр Кукушкин и Михаил Гуров загадочно распределили между собой обязанности. Ни за что не догадаешься, кто из них что написал. То ли они писали раздельно каждый «свою» главу, то ли вообще все время вместе сочиняли. Литературоведы раньше полагали, что почти вся литература о монахах написана исключительно европейцами. Теперь и российские писатели внесли свою лепту. Невзирая на авантюрно-приключенческий (влияние Честертона) характер романа, он достаточно объективно рассказывает о жизни такой замкнутой касты, как священнослужители. Много рассказано о быте «закрытых» учебных заведений. При этом, будущие священники выгодно отличаются, скажем, от курсантов военных вузов широтой образования. Их учат не хуже, чем волшебников в романах Урсулы Ле Гуин или Джулиан Роулинг. Поскольку работать им предстоит с людьми на важнейшем посту посредников Господа Бога.

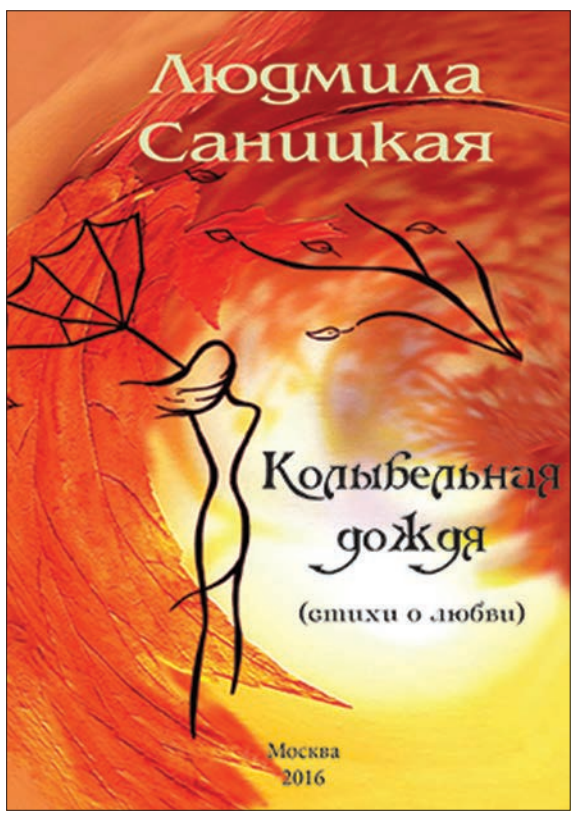
Если бы Пушкин и Дельвиг захотели, они, наверное, могли бы написать вдвоем повесть об учебе в Царскосельском Лицее. Сергиево-Посадская семинария – столь же «неординарный» вуз, воспитывающий у молодых людей нестандартное мышление. Неудивительно, что авторы романа в свое время прошли через его стены. В сущности, многие главы романа посвящены студенческим проказам. И везде, как чертик из табакерки, неожиданно появляется игумен Траян, все истории, так или иначе, замыкаются на нем, на его неординарной личности. Он одновременно и догматик, и эмпирик, он увлекается игрой в шахматы, он видит жизнь как пространственные шахматы. Он – лидер, который ищет достойных противников среди семинаристов, он их взращивают. Карфаген должен быть разрушен, а слабохарактерные ученики, не способные бороться за свои права – отчислены. Игумен Траян любит держать оппонентов в состоянии умственного и эмоционального напряжения, побуждает их проявлять ежеминутно находчивость и смекалку. Идет игра на выбывание из семинарии, но отчисление студента должно выглядеть справедливым. Несправедливые, облыжные обвинения не принимаются. Игровая стихия романа напоминает «Игру в бисер» Германа Гессе. Разумная и здоровая оппозиция начальственной «инквизиции» тайно поощряется. Нестандартными испытаниями игумен Траян пытается воспитать семинаристов равными себе. Он выдающийся тактик и стратег. Такие люди появляются раз в десятилетия. Он верит в служение Богу как бесконечно живое дело. Весь роман – это, фактически, жизнеописание игумена Траяна в отдельных главах.

Траян постоянно переигрывает своих оппонентов, с мефистофельской хитрецой продумывая свои действия на несколько ходов вперед. Но, в конце концов, среди ватаги семинаристов появляются, по меньшей мере, двое, готовых бросить вызов могущественному проректору. Игра «найди себе достойного противника» набирает обороты. Я не могу сказать, что «Alma Matrix» – это выдающаяся литература. Но изюминка произведения заключается в том, что скучные будни семинаристов, не в последнюю степень благодаря игумену-проректору, превращаются в увлекательный авантюрный роман, который читается с неподдельным интересом. В книге «Молодая “Нева”» представлены еще шесть романов и повестей молодых авторов. Но о них мы поговорим отдельно.

Александр КАРПЕНКО

Людмила Саницкая «Колыбельная дождя»

М: «Вест-Консалтинг», 2016



Сама поэтесса называет свой новый стихотворный сборник лирическим дневником, дневником-исповедью, который «далеко не всегда был предназначен для посторонних глаз». Эта книга не просто посвящена теме любви, она пропитана любовью, написана ради нее и ею продиктована.

В литературном мире Людмилу Саницкую знают как маститого автора, посвятившего творчеству много долгих лет; автора, выпустившего пять поэтических сборников и ставшего лауреатом целого ряда престижных литературных премий. Однако ее лирическая героиня, от лица которой и написана «Колыбельная дождя», кажется, только-только начинает жить. Книга дышит юностью, благоухает ароматами весны, и вместе с природой пробуждается душа, созревшая для первой любви.

Весь божий день,
Наивно и пространно,
Толкую об апреле. Это странно,
И тема неугодна февралю.
Он убежден – я не о том толкую,
И не о том весь божий день тоскую,
И не того – уверен он – люблю...

От строчки к строчке весна все шире набирает обороты. Под сиреневым кустом исчезает ноздреватый снег, «светлая капель, ослепительные лужи... льда изъедено стекло», над головой чистое небо без дна, и все быстрее в груди пульсирует опьяняющее первое чувство.

Дальний мой!
Ты подожди меня!
Я приду к тебе в начале дня...

И всем так хорошо знакомое в дни юности «Похоже, больше не принадлежу себе...». А весны все больше – и вовне и внутри, «Фонтаном фиолетовых соцветий / Взметнулась ошалевшая сирень», и, охваченная радостью и тоской долгожданной встречи с любовью, лирическая героиня слушает, как «в таинственных глубинах пианинных» звучат аккорды «Лунной сонаты». А дальше – все, как и бывает в жизни.

Пышная весна переходит в сочное лето. От зарождающейся влюбленности девушка переходит к счастью взаимности, «И не от жара высыхают губы, / А просто – счастье, молодость и страсть».

Я плавать не умею, а плыву,
Как волосы осоки – по теченью...
...Миную камни, мель и быстрину,
И незаметно став теченья частью,
В разливе устья, как в разливе счастья,
Теряюсь, растворяюсь и тону.

Но все проходит, и приходит осень, и за днями радостей взаимной любви наступает горький час расставанья.

Пока еще разлука – не разрыв.
Пока еще печаль остановима.
И музыки тревожащий надрыв
Пока еще проскальзывает мимо...

Надежда умирает, приходит осознание невозвратности, «В душе распахнутой гуляют сквозняки...». Тщетные попытки оставленной женщины разом прекратить боль, забыв любимого: «Одним движеньем – оторвать, / Как ржавый бинт при перевязке!». Но сердце властно врачевать только время, и за болью отчаяния, как водится, приходит спокойствие и тихая грусть былого чувства, ушедшего в память.

Смеялась женщина.
Прибрежной гальки град...
По мрамору рассыпанные бусы...
Освобожденный ветром камнепад...
Созвучия и искуса, и вкуса...

Призыв, и отторжение, и вскрик...
Апофеоз чистейшего веселья...
То ль одиночества доныне тайный лик?
То ль молодости горькое похмелье?

Время неумолимо, и на горизонте героини замаячила зима. «Деревья клонятся нагие – / Совсем как много лет назад...». Юность прошла, минула молодость, и зрелость с опытом вступают в свои законные права. Но любовь до конца никогда не исчезает, она теплится в душе мягким заревом свечи и гаснет лишь с последним вздохом.

Еще живу, ее теплом дыша...
Еще пою... И что снега и зимы...

Вот так перед взором с грустью улыбающегося читателя от начала к концу книги стихов Людмилы Саницкой «Колыбельная дождя» проходит целая жизнь.

Марианна МАРГОВСКАЯ,
кандидат философских наук

ТВОРЧЕСТВО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

Ольга МИХАЙЛОВА

МОЙ ВОЛШЕБНЫЙ ЗОНТ

Ольга Михайлова — *прозаик, поэт. Известна публикациями в журналах «Дети Ра», «Зинзивер», газетах Linnaleht (Таллин), «Литературные известия», «Поэтоград» и других. Она — автор 4 книг: «Прекрасная Птица» (Таллин), «Рябиновый оберег» (М., «Вест-Консалинг»), «Все перемешалось» (М., «Вест-Консалтинг») и «Путешествие к можжевеловому закату» (М., «Вест-Консалтинг»).*

МОЕ ДЕТСКОЕ ЛЕТО

Лето окрыляет, щедро даря разноцветье: душистую землянику, яркие, хоть сейчас в ожерелье, бусины брусники, которую без устали ищешь и находишь среди болотных кочек и укромных участков леса, чернику, от которой перепачкаешься сам и вымажешь любимую футболку, липовый цвет, заботливо заготовленный на случай осенне-зимних простуд, молочные плоды лещины, хотя много их и не соберешь, только поцарапаешь ветками лицо и нацепляешь на волосы паутину. С грибами не везет совсем, хотя, помнится, моя бабушка, грибник опытный, старалась и меня приобщить. Не сложилось: прячутся от меня грибочки, зато их несъедобные собратья попадаются сплошь и рядом — играют-забавляются. Лето — это еще тополиный пух, забивающийся везде, где есть для него место, купания и, если повезет и отец возьмет с собой, рыбалка, — вот где раздолье для души! И поэтичны наши велопрогулки вдоль реки, сулящие немало интересных впечатлений. Скрываясь в тени старой купающейся в реке ивы, неотрывно наблюдает за нами мрачная водокачка. До сих пор стоит, еще более темная и нелюдимая. Бросаешь велосипед и несешься в ту сторону, где на поле голубеет нежный лен, ласково касаясь ног. И юбка на тебе льняная, и тонюсенькие стебельки тянутся, отпечатываясь на ткани голубым принтом. Нигде впоследствии я не видела такой красоты, вернуться бы...

В деревне в это время особая забота — заготовка сена для домашних животных, без которых вряд ли можно представить сельскую жизнь. Потеряет она свою изюминку без ежеутренне выгоняемых на выпас коров и овец, без важно шагающих гусей и безалаберных кур, умудряющихся найти сомнительный лаз в своей клетушке и разбежаться по огороду, чтобы нарушить ровные проборы грядок. Ворошишь сено, предусмотрительно сняв часы, чтобы не оставалось белой полоски. А в другом забудешься и только вечером почувствуешь, как горячо и колкой болят обгоревшие плечи.

Помнится, как мы, подростки, оживлялись, наблюдая за далекими ломаными линиями молний — надвигалась гроза. Обуреваемые любопытством, все с нетерпением ждали, пока сопровождающий грозу ветер домчится до нашего двора. И буйство природы совсем не пугало, ведь ты по другую сторону — прильнул к окну. Но, как только раскаты грома начинают бухать над головой, нехотя отходишь, потому что взрослые ругаются, но все равно норовишь подглядеть из-за занавески, как ветер нещадно треплет колосья и поднимает пыль, швыряя ее частицы в окно.

А сколько было загадано желаний на заветном стоге, почти на вершине мира, куда забираешься августовскими звездными вечерами или уже ночами, грань хрупка, и до одури считаешь падающие звезды, забывая, что уже успела загадать, и поэтому загадываешь снова. Небо такое близкое и живое! Аромат сена и запах травы в поле, впитавшей за день энергию солнца, лучше всего проявлялись к ночи, когда земля начинала отдавать накопленное тепло, тепло, которое примешь и сохранишь. Лето...

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Сегодня особенно не хотелось просыпаться, но, как обычно, разбудило настырное чириканье местных воробьев, ночующих в тополе. Дерево выбрано неслучайно — птиц замечательно скрывают крупные листья — после стрижки тополь похорошел. Его крона к моей радости разрослась — я переживала, что дерево так и останется никчемным столбиком, — и теперь он дает приют этим шалопаям. Ты узнаешь об этом по доносящемуся гвалту, который усиливается вечером, когда они собираются там, как семья в родном доме. От тополя до моей кормушки — несколько взмахов крыльев. Сначала появляется дозорный — проверяет, есть ли семечки, можно ли звать остальных. Как правило, можно. Если что не так, громко и требовательно просит, специально расположившись на подоконнике моего окна — не до сна уже.

Наверное, будет жарко, но вот уже несколько дней ощущаются перемены — спокойствие разливается в воздухе. Кажется, что изменился его состав, несущий предчувствие осени. Окно открыто. Воздух скромно, но целенаправленно проникает в комнату. В этом году я чувствую перемены как никогда, часто отвлекаюсь и смотрю в окно — не собираются ли тучи, нет, только дымка. Не та жара, не летняя. Такая погода бывает в сентябре, когда наступает пора бабьего лета. Когда вдруг столбик термометра поднимается до редких в это время 20 градусов, и ты радостный идешь по улице в футболке.

Ветерок слабый. Тополь шелестит листвой, успокаивая меня: «Время скоротечно. Любуйся пока зеленью, корми птах и слушай приглушенные голоса уходящего лета. Пока не наступил период дождей, а Ильин день не за горами, радуйся, радуйся, радуйся. Посмотри, какие у тебя руки, — напитай кожу витамином D». Мудрый тополь, что тут возразить. Я помню его с детства, когда мы въехали в этот дом. Я, как и он... — что-то прошло по касательной, а что-то оставило рубец — до сих пор ноет.

Сегодня — особенное астрономическое явление, может быть, в этом все дело? Небо просторно-безоблачное. Луна необычайно яркая, а под ней — гляди, маленькая по сравнению со спутником Земли, оранжевая точка. И чем больше смеркается, тем более очевиден красный оттенок небесного тела — Марс.

СТАЛО ЛИ СВЕТЛЕЕ?

Зачем здесь фонари в таком количестве?
Глаза режет.
И где теперь прячется от яркого света стайка моих старых знакомых?
Важно вышагивают собаки, выгуливая своих хозяев.
Женщина везет в коляске ребенка, припозднилась.
Все довольны.
Я тоже как будто гуляю, но с целью — семечки насыпаю в кормушки,
Которые завтра опустеют за час-другой.
Пока нет холодов, не страшно:
кое-где на деревьях какое-никакое, а лакомство для птиц — боярышник, рябинка...
Все сгодится, все поедят.

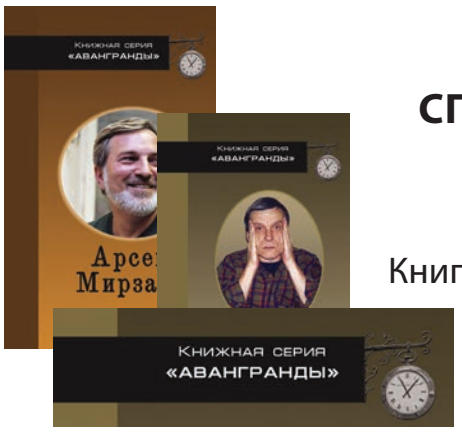
Глаза слезятся — фонари на каждом шагу продолжают изображать солнце.
Все ж надо было их пореже установить...
Свет неприятный: выхватывает и демонстрирует
с неприглядно-пошлой стороны голые ветки деревьев — корявые сухие отростки, как руки-лапы, того и гляди схватят-сцапают.
Нехорошо.

Сухо, ноги не буксуют в слякоти — это хорошо.
Запах зимы не витает — тоже хорошо,
Значит, еще живем.

МОЙ ВОЛШЕБНЫЙ ЗОНТ

Подрагивает рука. В знак солидарности дрожит зонт.
Ветер норовит его вырвать — держу крепко.
А то перевернется и покатится, обдирая бока о булыжник. Жалко.
Мягкий шаг, никуда не спешу — меня не слышно.
Наблюдаю и слушаю — чайка вскрикнула среди крыш.
Шепот камней. Зонт не отстает — тоже что-то бормочет мне в ухо.
Сиреневая тень играет на моем лице с запоздалым солнечным зайчиком.
Нет, дождя нет. Есть я и мой зонт. Мы кружимся. Куполом зонта кружится небо.
Гроздь сирени с любопытством рассматривает наше сиреневое счастье.
Зонт кривляется, дергает меня и зовет куда-то вглубь мрачно-загадочной ниши крепостной стены — там живут легенды. Знаю, они во всем и везде.
Я же ему их и рассказала, а он запамятовал...
Мы гуляли у моря, дождь сыпал, прогоняя нас: «Не время любоваться волнами — штормит».
— Ты тогда сильно промок и грустил... Помнишь?
Зонт хмурится: от правды не спрячешься и не сложишься — и все же торопит, подхватываемый ветром. Ветер подталкивает и меня.
Мы движемся или почти летим, наугад.
Темнота быстро завоевывает этот город, эту улицу.
Очертания стены проявляются, когда натыкаешься на нее.
Отражение в темной плоскости потустороннего. Я ли это?
Зонт удивлен не меньше меня, он тоже там...
Мы вместе где-то в зазеркалье Старого города. Здорово!

РЕКЛАМА



ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВА
СПЕЦИАЛИЗИРУЕТСЯ НА ВЫПУСКЕ СТИХОТВОРНЫХ КНИГ

Среди авторов издательства — первоклассные поэты:
Сергей Бирюков, Арсен Мирзаев, Юрий Милорава и другие.
Книги выходят по инициативе издателя — кандидата филологических наук,
Президента СП XXI века Евгения Степанова.

Адрес электронной почты:
stepanovev@mail.ru

СТРАНИЦА СОЮЗА ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ, С 75-летием, ВЯЧЕСЛАВА ДМИТРИЕВИЧА СЫСОЕВА!!!

Вячеслав Сысоев – *известный юрист, сопредседатель Союза литераторов России. Действительный государственный советник юстиции II класса, почетный адвокат России, преподаватель кафедры адвокатуры МГИМО РФ.*

Поэт-юрист традиционен для русской поэзии. Служителями юстиции, юристами были Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев – министры юстиции России, А. С. Грибоедов, А. Н. Майков, Аполлон Григорьев, А. М. Жемчужников, Я. П. Полонский, А. Н. Апухтин, В. Ф. Ходасевич. Всех и не перечислишь. Чародеями слова были и адвокаты: С. А. Андреевский, А. А. Боровиковский, П. И. Кичеев, Ф. А. Червинский, Дон Аминадо и др.

Вячеслав СЫСОЕВ:

Жизнь учит: «Стойким будь, чтоб не упасть.
К беспечным, слабым так и льнет напасть».
Не спорю с жизнью. Слушаюсь ее.
Зачем? А поживите-ка с мое.

«Вячеслав Сысоев пишет интересно, увлеченно, пристрастно, что передается читателю и не оставляет его равнодушным. Родовая черта В. Сысоева – кровная связь с фольклором, искренний юмор и озорство, ограниченные строгими рамками вкуса и нравственными установлениями».

Алексей Пьянов,
член Союза писателей России

25 июля известному поэту Вячеславу Сысоеву исполнилось 75 лет. Его поэтический талант проявился очень рано, еще в школьные годы. Но подлинный расцвет творчества пришелся на 80-е и 90-е годы прошлого столетия и нынешнее время. К настоящему времени он опубликовал около трех десятков книг, свыше ста статей. Недавно вышел сборник четверостиший с символическим названием «Ступени». Это и ступени жизненного пути поэта, и ступени восхождения к вершинам творчества. Все так же мудра его мысль, зорок его взгляд.

Творчество юбиляра привлекло внимание ряда философов, литературоведов, писателей, посвятивших ему множество рецензий и даже книг. Обаянию автора поддался и я. Моя книга «Творчество Вячеслава Сысоева» выдержала два издания. Меня поразили две выдающиеся особенности творческой манеры автора: глубоко философский характер содержания его книг и проникновенная их лиричность по форме.

А вот что говорят о нем другие авторы:

«Вячеслав Сысоев известен как талантливый и оригинальный поэт-лирик, прозаик, вдумчиво исследующий отечественную духовность и окружающий нас мир. Он умеет несколькими штрихами нарисовать яркую картину природы, выразить сопричастность к ней человека».

П. С. Гуревич, доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор

«Вячеслав Сысоев является одним из заметнейших русских поэтов конца XX века».

А. Г. Харитон,
доктор технических наук, профессор

«Большой поэтический дар от Бога дает ему (Сысоеву В. Д.) возможность распознавать тайну мироздания. Афористические суждения, вошедшие в ряд его книг, – свидетельство таинственного диалога человека с Космосом».

П. И. Симуш,
доктор философских наук, профессор

«Вячеслав Сысоев живет и дышит сознанием трепетной связи с каждой росинкой, с каждой травинкой родной земли. При встрече с его стихами, напоенными запахами степи и гор, отзвуками весенних гроз и зимних метелей, пахнущими терпкой смолой сосновых боров и молочными ночными туманами, без преувеличения – наступает исцеление души».

Леонид Ханбеков,
член Союза писателей России

«Вячеслав Сысоев – один из лучших поэтов-лириков России».

Г. Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор

«У Вячеслава Сысоева свой поэтический стиль, своя манера подачи слова, своя глубина мысли. А сами поэтические строки порою сжаты до предела».

А. Липатов,
доктор филологических наук, профессор

«Несколько лет назад, в одно из последних моих посещений Анастасии Цветаевой, зашел разговор о современных писателях. Она прочитала по памяти стихотворение Вячеслава Сысоева:

Синеет снег, длиннее тени,
В полях прозрачней тишина,
Вдруг звезды разом потускнели,
Взошла Луна!

– Какие чарующие строки, – произнесла она, – и необычайно лаконичные. Напомнили классику прошлого века. Тонкий и нежный лирик так мог писать... Это строки большого поэта».

Николай Леонтьев,
член Союза писателей России

Присоединяюсь к этим высказываниям известных людей. Добавлю, что Вячеслав Дмитриевич – необыкновенно интересный, обаятельный человек. Общение с ним обогащает и вдохновляет на добрые дела.

Будьте здоровы, дорогой Вячеслав Дмитриевич! Продолжайте творить на радость всех нас.

Е. А. Иванов,
доктор философских наук, профессор

Вячеслав СЫСОЕВ

КАК В СТАРИНУ СУДИЛИ

Ведь говорили горемыке Авдею:

– Не судись с пузатым Каллистратом! Лапоть дороже сапога станет. С твоими порожними руками с судьей не сговоришься. Знай, коль в суд ногой – в карман рукой.

Да Авдей у нас рисковый, прыгнул-таки в суд.

А весь сыр-бор вот из-за чего. Барский приказчик Хлюстов нажрался вина и давай из пукалки пулять. Трех Авдеевых гусей застрелил. Тут гонористый Авдей и взъерепенился. Да вот беда: приказчик-то много наворовал, служа у помещика, был богат и ничего не боялся, даже справедливости. Потому что знал: в суде прав тот, у кого карман оттопырестей.

И действительно! Судья недолго думал:

– Авдей, твоя вина доказана! Клевещешь ты на бедного приказчика. Ты же сам по пьяной лавочке перестрелял тех гусей.

И как ни клялся тот, ни божился, пришлось ответ за клевету держать. С судьей ведь не поспоришь, судья в суде, что рыба в воде.

– Авдей, – спрашивает судья, – у тебя есть алиби?

– Да откуда, мил человек? С хлеба на квас перебиваемся.

– Выходит, у тебя ничего нет. А у вас, Хлюстов, есть алиби?

– У нас всего в достатке.

– Стало быть, есть и алиби.

Словом, пошел Авдей в суд в кафтане, а вышел нагишом. Уж как смеялся народ:

– И поделом дураку – правда деньги не осилит! Один в грехе, а все в ответе.

– Слышь-ка, ктой-то такой тот прямой-несуетливый?

– Он-то? Дык это как раз тот, кто только что побожился, что он и есть единственный-разъединственный хозяин шапки, которая сшита неизвестно когда и непонятно из чего.

– Слышь-ка, ктой-то другой-то кривой-хлопотливый? Чегой-то он поклоны бьет гладкому-толстопузому?

– Другой-то? Дык это тот, который клянется и руку дает на отсечение, что шапка уже сто лет как ему принадлежит. Тот, перед кем он угодничает, помещиком нашим будет. Рядом с толстопузым краса статная стоит. Видишь? Так она евойная жена – умная и премудрая. Да-а!

– Слышь-ка, зачем они собрались, об чем брешут-судачат?

– Понимаешь ты. Помещик суд учиняет, да ничего не понимает. Битых три часа судит, никак не рассудит, кто прав, а кто виноват. Я и сам не пойму, кто вор – шапку спер, а кто ее хозяин. Ох, не к добру помещик хмурится. Злится поди?

Послушаем хлопотливого: «Ваш-сиясь, истинный хрест енто моя шапка. Иссуши меня, Господи, до макового зернышка – моя! Супротивник мой – такой вор, что из-под тебя лошадь украдет, ты и не заметишь. Три года не сымаю с головы енту самую шапку, – заголосил детина. – Срамота-то какая – вором меня считают».

– В таком случае, почему она у тебя, как новенькая?

– Потому, кормилец наш, и целехонькая она, что не кидаю ее куды не попадя, с головы не сымаю.

– Резонно! – крякнул кормилец. – Если он честный, то признается, но ведь ни за что не сознается, бестия эдакая. А ты что скажешь в свое оправдание? – обратился он к суетливому.

– Ваше благородие, надежа наша, кривой лясы точит, да вас морочит. Заладил одно и то же: «Моя шапка и все тут».

– Представляй свидетельства. Нету их у тебя. Бьюсь с вами, бьюсь, а правды никак не добьюсь!

Надежа почесал затылок: «Пожалуй, велю высечь вас обоих. Вы плутоваты, а я узловатый. Поди разберись, чья рука в чужой карман попала».

– Погоди, mon cher! – Ввязалась в суд помещица и предложила хлопотливому надеть шапку.

Ваше не пляшет. Как ни бился, как ни крутился – мала шапка, не лезет на его калган. Накося-выкуси.

– Теперь ты надень, – обратилась умница к прямому.

Тот не стал долго артачиться, раз-два и шапка как тут и была. Впору оказалась.

Слава Богу, разобрались, что к чему и почему!

Но дело-то оказывается не в том, главное, что было потом.

– Слышь-ка, ну и что?

– А то. Один в грехе, а все в ответе. Зарекся честный малый тяжбами не заниматься, за справедливостью ни к кому не обращаться. Шапка-то и пол-удара кнута не стоила, ан на все десять потянула.

Больше украдешь – от тюрьмы уйдешь.

– Куда идете?

– Туда, куда и все!

– И куда же все идут?

– Туда же, куда и мы, – из леса.

– Чего же вам в нем не жить – со счастьем не дружить?

– Вишь, какое дело, любознательный, хоть и отвечать тебе не обязательно. В лесу мы по правде тужим, по кривде живем. Назначили у нас воеводой лису – пера много, а птицы нет. Вот потому-то и не дружим, наш свет!

Умные гутарят: «Теперь правдою жить – огород городить: что днем нагородишь, то ночью размечут. Правду хоть куда положь, везде очутится ложь.

Нынче никто не жнет и не молотит. Каждый знай себе – замки колотит. Если ты бандит, то всенепременно сановит. Кто не грешит, кто к правде спешит, тот удаче не нужен, тот не каждый день сыт. Ныне настоящее ремесло – воровство.

Вором быть, без кручины жить – бери все, что плохо лежит. Взял, голова не болит.

Чем не жизнь?! Вор неурожая не боится, темная ночь ему мать родная: все с рук сходит, все шито-крыто. Голыми руками его не возьмешь – всегда сухим из воды выйдет.

Правда, от верных людей слышал я, что вор – не вор, а портной: игла у него дубовая, нить вязовая, мастерская его на большой дороге, под мостом. Ежель молодец-удалец, ночной делец ушел, не попался, так и не виноват.

Ну уж ежели кто попадется – лопухнется, на невезуху напорется, тому не поздоровится, кровавыми слезами заплачет. Да и как иначе. Не кради по мелочам, неудобства воеводе не причиняй. Лисичка не любит мелочиться».

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Тамара Жирмунская
«Веет осенью... Тишина...»
М.: «Вест-Консалтинг», 2015

Новый сборник стихов Тамары Жирмунской столь мал размером, что легко помещается на ладони. Однако сама автор признается – эта, столь небольшая по формату, книжка стала итогом ее поэтического труда за десятилетия. В ней помещены крупицы золота, бережно отобранные поэтессой в золотоносной руде стихотворчества.

Имя Тамары Жирмунской известно многим представителям русской творческой интеллигенции – как тем, кто живет и работает на родине, так и тем, кто, подобно самой Жирмунской, оказался в эмиграции. Поэт, публицист, литературовед, переводчик – Тамара Александровна всю свою жизнь посвятила плодотворной работе со словом. Десяток поэтических книг, множество публикаций в ведущих отечественных литературных журналах – вот далеко не все, что она сделала за время своего долгого творческого пути.

Тамара Александровна – приверженец традиций классической поэзии, и ее стихи являют собой достойный образец творчества поэтов «старой закалки», всегда трепетно относившихся к русскому языку и стремившихся следовать законам книжного стиля. О вкусах, конечно, не спорят, но невольно вспоминаются слова несравненной Майи Плисецкой: «Раньше мы считали (и не без оснований!), что модерн танцуют те, кто не может исполнять классику». И, метафорически выражаясь, Тамара Жирмунская в поэзии стремится именно «исполнять классику», говоря нам:

Тому, кто невзначай
мой номер наберет,
я шлю свое «прощай»
на много лет вперед.
Безумцу, что опять
прислал собачий бред,
и хочет точно знать,
поэт он или нет...

Впрочем, здесь важно оговориться. Несмотря на традиционность формы, стихи Тамары Александровны очень просты, понятны и жизненны. Пафос, претенциозность, стремление высечь каждую строку в мраморе – это не про нее. Поэтесса желает лишь в стихотворной форме выразить свои мысли, поделиться жизненным опытом и интересными наблюдениями. Надо сказать, делает она это зачастую с толикой шутки и самоиронии:

Нет кабинета у поэта.
Что за поэт без кабинета!
Однако я встаю чуть свет
И, чистя зубы в общей ванной,
Вдруг озаряюсь мыслью странной:
Вот мой рабочий кабинет.
Потом в холодной пирожковой
Я пью напиток порошковый,
Раз кофе в кофеварке нет.
И с выражением овечьим
Сижу и думаю о вечном.
Вот мой рабочий кабинет...

Тамара Жирмунская многие стихи посвящает советскому прошлому, временам своей юности:

Под патефон мы танго танцевали.
Казалось нам, что мы в парадном зале...
...Нас грозная эпоха формовала,
в нас женственности было очень мало,
мечтали мы, храня мечты в секрете,
о каблучках, капроне и балете,
но мы носили то, что все носили.
Дежурных туфли-лодочки бесили...

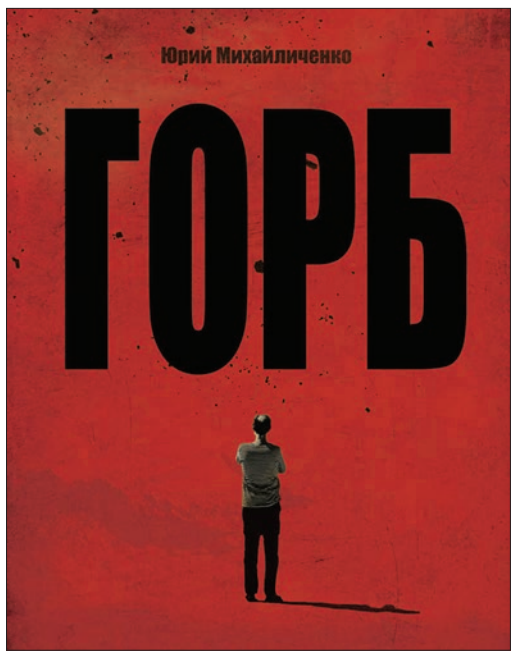
Поэтесса ностальгирует, описывает военное детство, вспоминает любящих родителей, возрождает опьяняющее чувство юности. Потом вновь возвращается в настоящее, обращается к нелегким будням на чужбине («Эмиграция – такая суета...»), и, борясь с повседневностью, со вниманием опытного художника изучает окружающий мир и самое себя. И в многогранности сложносочиненного бытия она находит простые истины, которые неустанно повторяет себе и читателю:

Записывай обиды на воде,
Зато благодеяния – на меди,
Не падай духом при любой беде
И не труби кичливо о победе.

Очевидные, казалось бы, жизненные правила. Но почему же тогда мы так редко им следуем?..

Марианна МАРГОВСКАЯ,
кандидат философских наук

Юрий Михайличенко
«Горб»
М.: «Вест-Консалтинг», 2016



Автор, выпускник Киевского национального университета театра, кино и телевидения, в годы перестройки – активист андеграундной рок-сцены, с 1991 года живет в Барселоне. «Очень симпатичная вышла книжка. Прочитал с удовольствием», – эти слова Алексея Цветкова гордо вынесены на белизну третьей страницы. Его можно понять: книга действительно написана хорошо, естественно и как бы случайно: автор не заботился о литературности, о мастерстве, поэтому в ней много довольно простых рифм и не претендующих на оригинальность мыслей, притом каждое стихотворение выстроено стилистически грамотно и в каждом – легкий юмор автора, не выражающего надежду на то, что жизнь его когда-то изменится к лучшему:

попроще бы быть, попроще
научиться любить а впрочем
мне бы стать знаменателем рощи
мне бы выть на просторе волчьем <...>

жизнь морочит своей морокой
а забот-то – поесть да выпить
все прекрасно в стране далекой
только душу, вот, не насытить

Пожалуй, назову эту книгу мужественной: поэт мало того что не чувствует себя уютно на чужой земле («приехали/ сначала было холодно/ потом жарко/ потом никак») – многие его стихотворения написаны перед лицом смерти. Нет, умирать он не собирается, но неизбежность ухода в мир иной, кратковременность земного пути он чувствует остро – и, пожалуй, свыкается с мыслью, по крайней мере, «бездумно и красиво умереть/ в борьбе за сладость прожитого века» – «без боли и без бога в голове».

С Цветковым Михайличенко «связывает» только отсутствие знаков препинания; ни потока сознания, ни мрачноватого юмора в книжке не найти; правда, есть усмешка – и даже самоиронический переход на мотивы в духе Алексея Кольцова («а луна уже почти полная/ почти взрослая, почти светлая/ а в душе моей кошки разные/ дни тяжелые пью без радости...»). И еще – есть серьезность, даже боль, выливающиеся в публицистику, когда автор касается драматических государственных событий («как больно за Украину/ брат брату стреляет в спину/ и злоба, как волки степью/ лукаво играет со смертью// бомбит отрешенно хаты/ бомбит без вины виноватых...»).

В целом книга оставляет впечатление дневника, который автор вел для себя и для узкого круга друзей-приятелей, – недаром один из разделов носит название «Травмы детства» («воспоминательная» часть книги) и еще того откровенней – «Пьяная лирика». Радость таить трудно; а вот тяжелые душевные состояния часто нуждаются в сокрытии, – потому и «для узкого круга». Однако стихотворение – по природе своей вещь беззастенчивая, а потому переложенные на стихи переживания могут быть открыты для всех, – как, например, те, что посетили поэта во время бессонницы:

наша жизнь по часам, я встаю чтобы встать
я не спал я не сплю, мне не хочется спать
я считаю назад, каждый шаг – это смерть
понимая что в с е мне уже не успеть

Склонный к депрессии автор – не вовлекает, однако, читателя в свою депрессию, наоборот, обращается к нему: вот, полюбуйтесь, ну что я за человек такой! А читатель, видимо, должен ответить: ну вы и даете! Глубоко погружаетесь, да складно пишете.

Эмиль СОКОЛЬСКИЙ

РЕКЛАМА

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» предоставляет услуги в области перевода на английский и немецкий языки:

- **Редактура и перевод текстов рекламных, литературных материалов и выступлений официальных лиц;**
- **Подготовка и презентация различных отчетов для руководства международных компаний и корпораций;**
- **Разработка уставов, положений, регламентов и процедурных вопросов для компаний и корпораций;**
- **Написание новостных блоков по продвижению и продаже продукции;**
- **Подготовка финансовой и правовой аналитики, разработка бюджетов;**
- **Преподавание техник проведения и прохождения интервью, технических навыков, теории и практики продаж, ораторских навыков, подготовки и ведения презентаций.**

В нашей компании работают профессионалы самого высокого уровня, носители языка. Тел. для справок: : (495) 971-79-25

РЕКЛАМА

Список авторов книг, изданных в «Вест-Консалтинг»

1. Ольга Адрианова
2. Геннадий Айги
3. Галина Куборская-Айги
4. Владимир Алейников
5. Кирилл Алейников
6. Сергей Алимарин
7. Зульфия Алькаева
8. Анна Альчук
9. Елена Антонова
10. Григорий Арлинский
11. Светлана Артемова
12. Сергей Арутюнов
13. Игорь Архангельский
14. Ирина Асоянц
15. Эльдар Ахадов
16. Рита Бальмина
17. Роман Барабаш
18. Андрей Баранов
19. Ольга Баранюк
20. Аркадий Бартов
21. Александр Барынин
22. Юрий Беликов
23. Виктор Белоусов
24. Готфрид Бенн
25. Зоя Билютина
26. Сергей Бирюков
27. Галина Богапеко
28. Юрий Богданов
29. Марина Борина-Малхасян
30. Михаил Бойко
31. Константин Брансвик
32. Ян Бруштейн
33. Николай Булавкин
34. Алина Бурмистрова
35. Лео Бутнару
36. Вир Вариус
37. Александр Вепрев
38. Верочка Вербина
39. Анна Ветлугина
40. Татьяна Виноградова
41. Виталий Владимиров
42. Александр Волин
43. Александр Воловик
44. Игорь Воловик
45. Дэвид Вонсбро
46. Вячеслав Воронков
47. Олег Воронцов
48. Инна Враймуд
49. Михаил Вяткин
50. Наталья Габриэлян
51. Лика Галкина
52. Галина Гедрович
53. Георгий Геннис
54. Максим Гликин
55. Владимир Глянц
56. Александр Говорков
57. Евгений Голованов
58. Ирина Голубева
59. Сергей Горбушин
60. Лев Готгельф
61. Виктор Грушко
62. Ирина Горюнова
63. Анатолий Гоморев
64. Евгений Гоморев
65. Григорий Горнов
66. Ги Гоффет
67. Андрей Гусев
68. Таисия Гуськова
69. Олег Гуров
70. Алла Горчева
71. Татьяна Грауз
72. Юрий Григорьев
73. Борис Гринберг
74. Алиса Гринько
75. Феликс Гурт
76. Алексей Даен
77. Владимир Дашкевич
78. Эрнест Даусон
79. Владимир Делба
80. Алина Дием
81. Светлана Дион
82. Виталий Дмитриев
83. Элен Дорион
84. Мария Душаева
85. Виктор Дьяков
86. Эдмон Жабес
87. Макс Жакоб
88. Тамара Жирмунская
89. Максим Жуков
90. Жанна Журавлева
91. Анатолий Зайцев
92. Максим Замшев
93. Сергей Зубарев
94. Илья Егармин
95. Александр Емельяненко
96. Елена Ерофеева-Литвинская
97. Анастасия Ермакова
98. Владимир Ермолаев
99. Владимир Ерошин
100. Наталья Ефимова
101. Олег Елшин
102. Константин Иванов
103. Сергей Ивкин
104. Дарья Ильгова
105. Инесса Ильина
106. Борис Илюхин
107. Инна Иохвидович
108. Константин Иванов
109. Елена Иванова-Верховская
110. Магомед Кадирбеков
111. Татьяна Кайсарова
112. Николай Калиниченко
113. София Камалова
114. Семен Каминский
115. Суламифь Канарская
116. Алексей Караковский
117. Александр Карпенко
118. Геннадий Кацов
119. Юлий Квартин
120. Ингрид Кирштайн
121. Тамара Клейман
122. Светлана Климова
123. Виктор Клыков
124. Юрий Кобрин
125. Кирилл Ковальджи
126. Алексей Козин
127. Алла Козырева
128. Александр Колобаев
129. Юрий Колодний
130. Людмила Колодяжная
131. Надежда Кондакова
132. Александр Коновалов
133. Александр Кожемякин
134. Людмила Коль
135. Юрий Коньков
136. Владимир Коркунов
137. Леонид Корниенко
138. Ксения Корнилова
139. Артем Корсаков
140. Владимир Кочетков
141. Любовь Красавина
142. Алла Красникова
143. Нина Краснова
144. Светлана Краснова
145. Анна Креспи
146. Сергей Кромин
147. Ирина Кронгауз
148. Елена Крыжановская
149. Александра Крючкова
150. Борис Кутенков
151. Борис Ларюшкин-Железный
152. Борис Левит-Броун
153. Марина Левина
154. Алексей Левшин
155. Александр Лейбо
156. Илья Леленков
157. Слава Лен
158. Александр Либеров
159. Наталия Лихтенфельд
160. Аня Логвинова
161. Ольга Любимова
162. Александр Лысенко
163. Виктория Лысенко
164. Дмитрий Лукин
165. Анна Лучина
166. Владимир Мазья
167. Наталья Мамлина
168. Питер Н. Мартин
169. Борис Марченко
170. Владимир Масалов
171. Арсен Мелитонян
172. Вилли Мельников
173. Надежда Мещерякова
174. Юрий Милорава
175. Елена Минькина
176. Арсен Мирзаев
177. Александра Миронова
178. Мария Миронова
179. Ольга Михайлова
180. Сергей Мнацаканян
181. Вячеслав Моисеев
182. Ольга Моисеева
183. Виталий Молчанов
184. Макс Моро
185. Важди Муавад
186. Дмитрий Мурзин
187. Антон Нечаев
188. Константин Никитенко
189. Михаил Николаев
190. Наталья Никулина
191. Николай Никулин
192. Владимир Новиков
193. Елизавета Новикова
194. Сергей Ныркov
195. Григорий Оклендский
196. Александр Олейников
197. Александ Орлов
198. Дмитрий Остапович
199. Елена Павлова
200. Игорь Панин
201. Мария Панфилова
202. Алексей Пахомов
203. Татьяна Пацаева
204. Станислав Пенев
205. Юрий Перфильев
206. Георгий Петров
207. Юлия Пономаренко
208. Сергей Попов
209. Александр Поповский
210. Эдуард Просецкий
211. Владимир Пучков
212. Викентий Пухов
213. Снежана Ра
214. Иосиф Рабинович
215. Ксения Радионова
216. Егор Радов
217. Леонид Резник
218. Марианна Рейбо
219. Илья Рейдерман
220. Ирина Репина
221. Евгений Реутов
222. Наталья Рожкова
223. Иван Розанов
224. Татьяна Романова-Настина
225. Данте Габриэль Россетти
226. Петр Ртищев
227. Борис Рубенчик
228. Катя Рубина
229. Борис Рублов
230. Павел Рыков
231. Дина Садыкова
232. Алексей Самойлов
233. Людмила Саницкая
234. Ирена Санс
235. Елена Сафронова
236. Глеб Сахаров
237. Евгений Селезнев
238. Людмила Серова
239. Юлия Сигорская
240. Ирина Силецкая
241. Ольга Симоненко-Большагина
242. Андрей Сокульский
243. Олег Солдатов
244. Натан Солодухо
245. Валентин Соломатов
246. Владимир Солоненко
247. Виктор Соснора
248. Владимир Спектор
249. Анастасия Степанова
250. Евгений Степанов
251. Наталья Стикина
252. Людмила Строганова
253. Сергей Стукало
254. Сергей Сутулов-Катеринич
255. Александр Сыров
256. Николай Табаков
257. Ольга Татаринова
258. Жан Тардье
259. Светлана Тимакова
260. Владимир Титов
261. Александр Ткаченко
262. Алексей Ткаченко-Гастев
263. Дубравка Ораич Толич
264. Дмитрий Тонконогов
265. Виктория Топоногова
266. Александр Трунин
267. Леся Тышковская
268. Вальтер Тюмлер
269. Валерий Тюпа
270. Дмитрий Тюпа
271. Марк Уральский
272. Борис Устименко
273. Людмила Уфимцева
274. Надежда Ушакова
275. Александр Файн
276. Наталья Фатеева
277. Сергей Фед
278. Александр Федулов
279. Наталия Филатова
280. Олег Филипенко
281. Фёдор Филиппов
282. Жан Фоллен
283. Сергей Фотиев
284. Юлиан Фрумкин-Рыбаков
285. Анна Харитонова
286. Евгений В. Харитоновъ
287. Игорь Харичев
288. Рустэм Хисматуллин
289. Бруно Ходнагель
290. Михаил Хорев
291. Юрий Хрычев
292. Михаил Чевега
293. Валерий Черкашин
294. Анастасия Чернова
295. Александр Четверкин
296. Дмитрий Цесельчук
297. Геннадий Шамрай
298. Олег Шатыбелко
299. Лариса Шестакова
300. Татьяна Шемякина
301. Татьяна Шемякина-Бородянская
302. Маргарита Шилова
303. Леонид Шимко
304. Давид Шраер-Петров
305. Татьяна Щекина
306. Любовь Щербинина
307. Элана
308. Инна Юрманова
309. Алексей Юрьев
310. Александр Юсупов
311. Ия Эско
312. Борис Якубович

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 5 литературно-художественных журналов, газеты «Литературные известия» и «Поэтоград», поддерживает 10 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства (и других издательств) в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971-79-25
e-mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west-consulting.com

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Евгений Евтушенко, Олег Чухонцев, Александр Кушнер, Евгений Рейн, Юлий Ким, Инна Лиснянская, Олеся Николаева, Сергей Гандлевский, Виктор Соснора, Тимур Кибиров, Пётр Образцов, и многим другим.

Успешно функционируют разработанные ООО «Вест-Консалтинг» сайты премии «Поэт», журнала «Знамя» и др.

Мы сберегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971-79-25
e-mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west-consulting.com

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru), Союза литераторов России (www.moljane.narod.ru), Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» (www.west-consulting.com) и Литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»
Тел.: (495) 978-62-75

Интернет-ресурсы:
www.litiz.ru, http://reading-hall.ru/litiz,
http://lit-iz.livejournal.com, http://www.facebook.com/litizvestia
E-mail: stepanovev@mail.ru

Редакционный совет
Сергей Бирюков, Владимир Бояринов, Нина Давыдова, Максим Замшев, Константин Кедров, Владимир Масалов, Арсен Мелитонян, Наталья Рожкова, Евгений Степанов, Дмитрий Цесельчук

Главный редактор
Евгений Степанов

Заместители главного редактора
Владимир Коркунов, Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь
Иосиф Быковский

Обозреватели
Ольга Денисова (соб. кор. в Санкт-Петербурге)
Наталия Лихтенфельд (соб. кор. в Германии)

Верстка
Анна Розанова, Евгений Мелешин

Интернет-версия
Максим Жуков, Николай Баринов, Наталия Лихтенфельд

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации ПИ № ФС77-33946
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии «Новый взгляд».
394016, г. Воронеж, ул. Славы, д.13 а. Заказ № 13258. Общий тираж 5000 экз.